

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 13/1

2015

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель –

Южный федеральный университет
Главный редактор – академик РАО, д.биол.
наук, профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2015 г. ➤ № 13/1

Ответственный секретарь –

Буняева М.В.

Компьютерная верстка –

Кубеш И.В.

Редакционный совет

д.пс.наук, профессор Акопов Г.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор
Бондырева С.К.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.
академик РАО, д. пс. наук, профессор
Зинченко В.П.
член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор
Карпов А.В.
академик РАО, д.пед.наук, профессор
Малофеев Н.Н.

д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Рубцов В.В.
член-корреспондент РАО, д. пс. наук,
профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
д.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор
Шадриков В.Д.
академик РАО, д.пс.наук, профессор
Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАО, д.пс.наук,
профессор Абакумова И.В.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.
д.пс.наук, профессор Белоусова А.К.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.

д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.
д.пс.наук, профессор Рюмина Л.И.
д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 518.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@bk.ru

Подписано в печать 27.03.2015
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,71.
Тираж 1000 экз. Заказ № 34/15

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.

© Северо-Кавказский психологический вестник

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Васильева О. С., Гаус Э. В., Омелечко С. С.

Представления о счастье в связи с гендерной идентичностью у женщин разных возрастных групп5

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Грачева Н. М.

Особенности представлений о себе и мире в балийской культуре10

Гримсолтанова Р. Э., Батыгов З. О.

Страх одержимости на постконфликтной территории: миф или религия16

Лагодина Е. В.

Воображая город. Изучение восприятия городского пространства на примере Ростова-на-Дону23

Ращупкина Ю. В.

Результативные характеристики выбора значимого другого учащимися молодыми людьми
в зависимости от выраженности личностной зрелости.28

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Бакаева И. А.

Личностный профиль педагога дистанционного образования33

Ефименко С. В.

Особенности регуляции эмоционально-волевой сферы студентов при изучении иностранного языка41

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лунин С. Л., Пономарев В. П.

Влияние этноконфессиональной принадлежности и профессиональной направленности
на особенности правосознания студентов48

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ55

НАШИ АВТОРЫ / OUR AUTHORS68

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ71

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ В СВЯЗИ С ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ У ЖЕНЩИН РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Васильева О. С.
Гаус Э. В.
Омелечко С. С.

В данной статье речь идет о представлениях о счастье в связи с типом гендерной идентичности у женщин разных возрастов. Авторам эта тема представляется интересной, поскольку счастье – это базовая человеческая ценность, без которой трудно представить полноценную жизнь человека; во-вторых, счастье влияет в целом на жизненные выборы индивида. Актуальность изучения представлений о счастье у женщин обусловлена изменением роли женщины в современном мире, а также несомненной важностью этой роли. Счастливая женщина обеспечивает основу здоровья, ее внутреннее состояние транслируется вовне и во многом определяет эмоциональную ситуацию в семье, обществе и цивилизации.

Предмет исследования – представления о счастье и их психологические корреляты, гендерная идентичность, смысловые ориентации и самоотношение.

Объект исследования – девушки–старшеклассницы (учащиеся 11-х классов гимназии), женщины молодого и зрелого возрастов (22–45 лет).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В среднем уровень переживания счастья по обобщенной выборке оценивается в 7,1 балл при 10-ти балльной системе оценивания, т. е. с тенденцией к высокому.

2. Счастье как конкретный жизненный план или цель рассматривается редко, наиболее часто оно присутствует как сопутствующая категория.

3. Женщины разных возрастных групп обнаруживают схожие показатели смысловых ориентаций и самоотношения. Уровень субъективного переживания счастья обнаруживает слабую прямую корреляционную связь с осмысленностью жизни.

Новизна – рассмотрение женских представлений о счастье в сравнении трех разновозрастных групп. Практическое применение – психологическое консультирование, психолого-педагогическая практика обучения и общего развития самосознания девушек и женщин.

Ключевые слова: *представления о счастье, счастье, гендер, женская психология, старшеклассницы, молодые женщины, зрелые женщины, роль женщины, смысловые ориентации, самоотношение.*

Актуальность данного исследования обусловлена следующими факторами.

Во-первых, счастье – это базовая человеческая ценность, что выражено в народной мудрости: «человек рожден для счастья как птица для полета» и «счастье отпало – ничего в доме не стало».

Во-вторых, счастье с точки зрения его влияния на общий характер отношения человека к себе, окружающей реальности и жизни в целом оказывает сильное, если не решающее влияние на все жизненные планы человека.

История наблюдений о нем пестрит именами (Аристотель, Т. Гоббс, Ж. О. Ламетри, И. Кант, Л. Н. Толстой, К. Маркс, Г. Торо, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Э. Фромм и десятки других имен) [8, 15]. Однако один из главных смыслов любой науки – понимание, моделируемость, и, в конечном итоге, управление процессом.

Эра научного психологического исследования счастья, по крайней мере для нашей страны, достаточно мала и ограничивается почти двадцатилетней историей. Первой появилось переводное обобщающее исследование американца М. Аргайла (1990) [2, 16], затем работа Г. и М. Айзенк (2001) [1]. Пионерскими можно назвать работы известного отечественного автора И. А. Джигарьян (2000, 2001) [8, 9]. Однако постепенно проблематика счастья вызывает все больший интерес у отечественных авторов: С. Г. Воркачев (2001) [4]; Л. И. Габдулина (2003) [5]; О. С. Васильева, Л. В. Полудненко (2006) [3].

Применительно к нашему исследованию представлений о счастье в русле понимания гендера имеются работы: Л. В. Карапетян (2009) [10]; Т. В. Семёнова (2013, 2014) [13]; в том числе и у лиц молодого возраста – С. А. Гапонова, И. В. Сальникова (2013) [6]; Н. В. Качур (2013) [11]. Есть работы по изучению представлений о счастье у подростков – О. С. Васильева, Л. В. Полудненко (2006) [3]; Т. Ю. Уварова (2013) [14], однако число последних крайне ограничено.

Актуальность изучения представлений о счастье у девушек–старшеклассниц, женщин молодого и зрелого возрастов, обусловлена рядом факторов. Роль женщины в семье, воспитании детей, отношениях с мужчиной, наконец, в культуре и общественной жизни как в веках, так, особенно, в условиях современных

реалий, трудно переоценить. В традиционных ипостасях своей гендерной роли женщина – и психолог, и педагог, и муза, и поэт, и актриса, и вдохновитель, и хранительница домашнего очага, и т. д. Психологическая комфортность женщины безусловно влияет на осуществление ею этих и множества других ролей. При этом невозможно переоценить влияние переживания женщиной счастья как на внутреннее состояние женщины, так и на трансляцию ею своего внутреннего мира вовне.

Предмет исследования – представления о счастье и их психологические корреляты, гендерная идентичность, смысложизненные ориентации и самоотношение.

Объект исследования – девушки–старшеклассницы (учащиеся 11-х классов гимназии), женщины молодого и зрелого возрастов (22–45 лет).

Гипотезы:

1) психологические параметры переживания счастья во многом обусловлены типом гендерной идентичности женщин;

2) женщины разных возрастных групп, обладающие схожим типом идентичности, могут по-разному оценивать значимость для себя отдельных психологических параметров счастья;

3) представления о счастье у девушек–старшеклассниц имеют качественные отличия от подобных представлений у женщин молодого и зрелого возрастов;

4) показатели самоотношения и смысложизненных ориентаций имеют схожую выраженность у женщин разных возрастных групп и не зависят от типа гендерной идентичности женщин;

5) субъективно оцениваемый уровень переживания счастья у женщин связан с уровнем осмысленности жизни.

С целью сбора сведений, касающихся представлений о счастье и его психологических коррелят, использована разработанная нами авторская анкета. С целью исследования гендерной идентичности девушек и женщин использован вопросник С. Бэм по изучению маскулинности–фемининности [7]. С целью исследования смысложизненных ориентаций использована методика СЖО Д. А. Леонтьева [12]. С целью исследования показателей самоот-

ношения использована «Методика исследования самооотношения» (МИС) С. Р. Пантеева (таблица 1).

Достоверность полученных результатов обеспечена расчетом необходимых статистических показателей и критериев с использованием статистической системы SPSS для Windows.

Таким образом, мы видим, что показатели самооотношения и смысложизненных ориен-

таций имеют схожую выраженность у женщин разных возрастных групп и не зависят от типа гендерной идентичности женщин.

При этом показатель субъективного уровня переживания счастья имеет единственную прямую слабую корреляционную связь с итоговым общим показателем методики СЖО «Общий показатель осмысленности жизни» ($r = 0,259$, при $p = 0,034$).

Таблица 1.

Значимость различий в показателях смысложизненных ориентаций и самооотношения у женщин разных возрастных групп

Сравниваемые выборки	Статистика	Показатели СЖО						Показатели МИС								
		Общий показатель осмысленности жизни	Цели	Процесс	Результат	Локус контроля – Я	Локус контроля – жизнь	Открытость	Самоуверенность	Саморукводство	Отраженное самоощношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Старшеклассницы-молодые женщины	U	219,500	213,000	242,500	205,000	199,000	232,500	247,500	244,000	238,000	203,500	246,500	203,000	231,000	150,500	187,500
	p	0,459	0,373	0,829	0,283	0,226	0,656	0,918	0,854	0,748	0,264	0,899	0,257	0,627	0,018	0,138
Старшеклассницы – зрелые женщины	U	179,500	184,000	162,000	152,000	166,500	200,000	239,000	220,500	215,000	192,500	247,000	183,000	240,000	202,000	222,500
	p	0,063	0,078	0,025	0,013	0,032	0,158	0,578	0,334	0,275	0,112	0,705	0,071	0,593	0,160	0,355
Молодые – зрелые женщины	U	169,500	183,500	150,500	184,500	168,500	191,000	202,500	180,500	198,500	212,500	213,500	201,500	231,000	158,500	190,000
	p	0,135	0,248	0,050	0,257	0,127	0,330	0,479	0,214	0,423	0,648	0,664	0,469	1,000	0,066	0,312

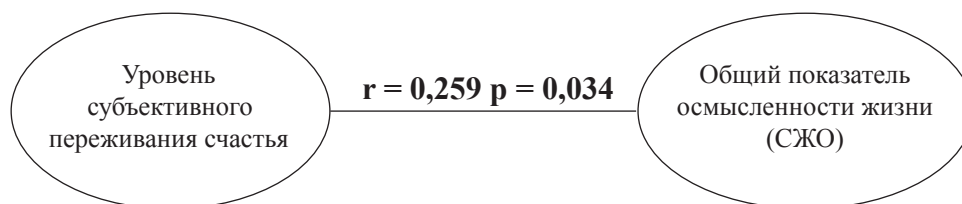

Рисунок 1. Корреляционная плеяда связи субъективного уровня переживания счастья с общим показателем осмысленности жизни методики СЖО у женщин разных возрастных групп

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Обследованные нами выборки женщин трех возрастных групп по типу гендерной идентичности представлены неравнозначно: женщин с маскулинным типом идентичности нами не выявлено вообще, число лиц с фемининным типом идентичности представлено следующим образом: в выборке девушек–старшекласниц – 20,8 %, в выборке женщин молодого возраста – 19 %, в выборке женщин зрелого возраста – 13,6 %. Основная часть каждой выборки представлена женщинами с андрогинным типом гендерной идентичности.

2. Не выявлено различий как в разновозрастных выборках женщин, так и в выборках, сформированных по типу гендерной идентичности, по уровню субъективного переживания счастья, равно как и по уровню эмоциональной вовлеченности в любимое занятие. При этом в среднем уровень переживания счастья по обобщенной выборке оценивается в 7,1 балл при 10-ти балльной системе оценивания, т. е. с тенденцией к высокому.

3. Различия в понимании счастья, примерах его переживания, его «тональности» и «окраске» женщинами разных возрастных групп хорошо видны при анализе ассоциаций, представлениях и примерах переживания счастья девушками–старшекласницами, женщинами молодого и зрелого возрастов. Наиболее образные, чувственно насыщенные ассоциации на слово «счастье» продуцируются девушками–старшекласницами. Для женщин молодого возраста наиболее частыми ассоциациями на слово «счастье» являются: любовь, гармония, семья и дети. Для женщин зрелого возраста – любовь, гармония, семья, дети, счастье как эмоционально возвышенное чувство и разделенность, понимание, близость. Представления о счастье у девушек также широки. Переживание счастья женщинами часто опирается на реальные события их жизни, как общие, так и характерные для каждого возрастного периода: выполнение сложной работы, выздоровление родственника, встреча с любимым человеком, рождение брата или сестры, свадьба, рождение собственного ребенка, поступление на значимую работу и т. д. Отдельное место имеют переживания счастья как факт

разрешения личной кризисной ситуации, например, возвращение отца в семью – как ответ одной из девушек, или разрешение следствия возрастной кризисной ситуации – «создать семью и родить ребенка, как у всех», «семья и налаженный быт» – в представлениях женщин зрелого возраста.

4. Счастье как конкретный элемент жизненного плана рассматривается редко. Чаще всего в качестве такового оно фигурирует как сопутствующий фактор реализации основных жизненных целей – построения карьеры, создания семьи, создания условий материального благополучия, да и то у небольшой части респонденток, как правило юного и молодого возрастов. Существенная часть респонденток всех возрастных групп не рефлексировала для себя проблему счастья в качестве требующей привлечения дополнительных усилий. Лишь небольшое число женщин молодого и зрелого возрастов связывают счастье с необходимостью психологической работы над собой.

5. Женщины разных возрастных групп обнаруживают схожие показатели смысловых жизненных ориентаций и самоотношения. Уровень субъективного переживания счастья обнаруживает слабую прямую корреляционную связь с осмысленностью жизни.

Теоретическая значимость исследования состоит в обобщении представлений о феноменологии счастья. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в сфере психологического консультирования, психолого-педагогической практике обучения и общего развития самосознания молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк Г., Айзенк М. Фактор счастья / Исследования человеческой психики. – М.: ЭКСМО–Пресс, 2001. – С. 255–288.
2. Аргайл М. Психология счастья. – СПб.: Питер, 2003. – 571 с.
3. Васильева О. С., Полудненко Л. В. Взаимосвязь субъективного уровня счастья у подростков с принятием ответственности за свою жизнь // Семейная психология и семейная терапия. – 2006. – № 3. – С. 66–78.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН.

- Серия: литература и язык. – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47–58.
5. *Габдулина Л. И.* Жизненная удовлетворенность, счастье и их обусловленность ценностными и смысложизненными ориентациями личности // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2003. – № 1. – С. 59–65.
 6. *Гапонова С. А., Сальникова И. В.* Представления о счастье современных студентов – юношей и девушек // Вестник Вятского государственного гуманитарного ун-та. – 2013. – № 2 (3). – С. 151–154.
 7. Гендерная психология. – СПб.: Питер, 2007. – 431 с.
 8. *Джидарьян И. А.* Представление о счастье в российском менталитете. – СПб.: Алетейя, 2001. – 242 с.
 9. *Джидарьян И. А.* Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 40–48.
 10. *Карапетян Л. В.* Экспериментальное исследование компонентов базовых жизненных установок // Известия Уральского федерального ун-та. – 2009. – Том 62. – № 1–2. – С. 60–67.
 11. *Качур Н. В.* Молодежное восприятие счастья (по результатам социологического опроса) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: социология, политология. – 2013. – Т. 13. – № 4. – С. 44–48.
 12. *Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М.: Смысл, 1992. – 16 с.
 13. *Семёнова Т. В.* Ценностно-смысловые характеристики представлений о мужском и женском счастье // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6–5. – С. 1067–1073.
 14. *Уварова Т. Ю.* Понятие самореализации личности и ее взаимосвязь с представлениями о счастье у подростков // Педагогика и современность. – 2013. – № 6. – С. 88–92.
 15. *Lentza V., Montgomery A. J., Georganta K., Panagopoulou E.* Constructing the health care system in Greece: responsibility and powerlessness // British Journal of Health Psychology. – 2014. – 19. – pp. 219–230.
 16. *Malik S. H., Blake H., Suggs L. S.* A systematic review of workplace health promotion interventions for increasing physical activity // British Journal of Health Psychology. – 2014. – 19. – pp. 149–180.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕБЕ И МИРЕ В БАЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Грачева Н. М.

В статье делается акцент на необходимости осознанного отношения к происходящему обострению межнациональных разногласий, принятия своеобразия разных культур и традиций во избежание конфликтных ситуаций. На примере балийской культуры иллюстрируется то, что на первый взгляд непонятные, чуждые традиции, обряды других народов направлены на поддержание мира и благополучия, и это главное. В статье приводится результат описательного эмпирического исследования представлений о себе и мире среди жителей острова Бали в окрестностях города Убуд. Этот город считается культурной столицей острова, сохранившей традиции балийского индуизма – синтеза индуизма, буддизма и местных верований. Представления о себе и мире, озвученные респондентами в процессе исследования, подтвердили этот статус, проявилось уникальное сочетание ценностей самоактуализирующейся личности наряду с обрядовостью и религиозностью. В процессе даже такого небольшого, пилотного исследования раскрывается уникальный синтез материальных и духовных представлений о себе и мире у балийцев. На начальном этапе исследования представители балийской культуры не были готовы к тому, что к их миропониманию будет проявлен искренний интерес и готовность услышать то, каким им видится мир и их роль в нем. Потому на первом этапе давали социально-приемлемые универсальные ответы. В связи с чем, автором отмечается необходимость определенной степени открытости и разотождествленности со своими ценностями и приоритетами в процессе проведения подобного рода исследований, т. к. иначе сложно уловить истинный смысл сообщения, даваемого представителями иной культуры.

Ключевые слова: *кросскультурное исследование, картина мира, мировосприятие, балийская культура, идентичность, традиции, интегральные ценности.*

В ряде работ по изучению картины мира отмечается недостаточность существующего уровня знаний по проблеме кросскультурных особенностей образа мира, картины мира разных народов [4, 9, 12]. Хотя необходимость таких исследований с позиции психологического урегулирования межнациональных конфликтов крайне возросла в последнее время. Многие аналитики подчеркивают, что конфликты разжигаются на базе экономиче-

ских интересов, но используются межнациональные, идеологические особенности тех или иных сообществ. Провоцируется критическое отношение к культуре и традициям других, не принимая во внимание, что для вторых их традиции и миропонимание такие же непреложные и всеобъемлющие основания для жизнедеятельности. Другие этнические и культурные группы могут иметь другое представление о том, что действительно

правильно и хорошо [5]. Критический взгляд, подгонка под свои ценностные установки на ментальном уровне ничем не отличаются от реальной физической агрессии и провоцируют конфликтные ситуации на межнациональной почве. Повышение психологической компетентности в понимании и принятии возможности равноправного существования других картин мира и формирование партнерских отношений между людьми – на наш взгляд вполне посильная и крайне актуальная задача для психологов. Соблюдение своих традиций, сохранение уникального мировосприятия, передающегося от поколения к поколению на фоне общего социально-экономического прогресса, при том, что это миропонимание носит не коммерческий характер (сохранение картинки для туристов), а действительно внутренний глубокий смысл и ценность, притягивает внимание и вызывает искренний интерес и даже восхищение со стороны. Внутри же общества решается актуальная на сегодняшний момент проблема ориентации подрастающего поколения в мире взрослых, проблема выбора среди сложных и противоречивых мировоззренческих образцов и ценностей, проблема конструирования своих жизненных планов и целей [13, с. 378].

Нами было проведено небольшое исследование особенностей представлений о себе и мире среди жителей острова Бали в Индонезии. Стоит отметить, что Бали – единственный остров Индонезии, где исповедуется индуизм (балийская форма индуизма, сочетающая в себе индуизм, буддизм и местные традиции), тогда как на всей остальной территории островного государства проживают мусульмане [2]. Подобные исследования, как стало очевидным, открывают культурологические, психологические и психолингвистические особенности не только объекта исследования, но и самого исследователя, т. к. для понимания истинного смысла доносимой информации необходима определенная степень вовлеченности и разотождествленности со своими приоритетами для наиболее адекватного восприятия транслируемой респондентами картины воспринимаемого мира.

На этапе подготовки к исследованию мы столкнулись с рядом трудностей. Изначально

было намечено провести комплексное исследование с использованием трех методик, но в силу того, что зная индонезийский язык, местные жители в основном разговаривают на своем диалекте, стояла задача перевести тексты опросников на более понятный им язык. Специалистов искали среди русских эмигрантов, проживающих на острове большое количество времени и, как нам представлялось, ориентирующихся в местных традициях и знающих язык. Соответствующих таким требованиям оказалось мало, и те довольно скептически отнеслись к исследованию, мотивировав тем, что тема для респондентов слишком сложная, и они не задумываются о смысле жизни и деятельности. Как оказалось на практике, это довольно субъективное предположение, основанное на гедонистических установках самого переводчика.

В итоге был проведен опрос. За основу беседы был взят опросник «Кто Я?» М. Куна, инструкция к которому предлагалась на английском языке и на индонезийском и местном балийском диалектах. В силу технических обстоятельств, респондентам предлагалось дать не 20, а 10 ответов, а также задавались уточняющие вопросы для понимания психологического контекста описываемых аспектов жизнедеятельности. В индивидуальных беседах – опросах – участвовали 10 респондентов, знавших английский язык, и 2 человека – родственники тех, кто участвовал, не знавшие английский язык, их ответы переводились с балийского на английский. Опрос проводился среди жителей города Убуд и его окрестностей.

Надо отметить, что Убуд и его окрестности считаются культурной столицей Бали. Там расположено огромное количество всевозможных мастерских, есть несколько центров йоги и оздоровления. Поначалу некоторые респонденты действительно с трудом ориентировались, что именно требовалось отвечать. Некоторую неловкость можно объяснить необычностью ситуации, т. к. туристы и эмигранты редко интересуются особенностями жизни местных жителей напрямую, в основном пользуясь услугами подготовленных экскурсоводов. После объяснений о сути проводимого опроса и его цели они с интересом включались в разговор.

В процессе ответа на вопрос «Кто Я?» респонденты идентифицировали себя как носителя определенного имени. Нужно отметить, что имя для них имеет сакральную ценность и несет глубинный смысл. На втором месте по популярности – ответ о себе как о жителе острова Бали. Давали себе характеристику, как члена общества:

- член семьи (дочь, мать двоих детей, отец);
- представитель организации (называлось место работы, учебы);
- по виду деятельности (продавец газет, студентка, бизнесменка, художник, резчик по дереву).

Были и такие специфические ответы, как «хозяйка свиньи», «у меня есть три рисовых поля», «я помогаю семье брамана». Свинья на Бали считается священным животным, используемым в жертвенных церемониях по задабриванию духов. У большинства семей есть свои рисовые наделы, приносящие 3–4 урожая в год. Браман – это человек знания, занимающий почетное место среди жителей.

Эти ответы, хоть и соответствовали внешне поставленной задаче, но очевидно были неполными на фоне того, что в обыденной жизни всех балийцев огромное место занимают церемонии подношений божествам и духам. На каждом шагу, около каждого дома есть свой алтарь, где трижды в день в идеале, или хотя бы по утрам приносятся подношения в виде тростниковой корзиночки с лепестками цветов, кусочками фруктов, какой-то рисовой еды и благовониями. Подношения делаются на алтаре, при входе на территорию дома, возле всех жизненно важных коммуникаций. Причем для осуществления подношений, которые в обычной семье выполняет женщина, она специально переодевается в традиционную нарядную одежду.

Еще А. Н. Леонтьев, по словам его учеников (А. Г. Асмолов, И. И. Ильясков), отмечал, что через деятельность как «неотторжимый» компонент отражения возможно проводить анализ психической реальности [10]. Церемониям и всему, что с этим связано, жители острова уделяют очень большое количество времени, внимания, но эта часть их жизни как воплощение миропонимания не воспроизводилась ими в процессе стандартной беседы. В связи с тем, что ответы

были явно социально-приемлемыми, но не отражавшими полноту миропонимания респондентов, были заданы уточняющие вопросы о том, что важно в их жизни, о ее смысле.

Большинство, довольно быстро сориентировавшись, говорили о интегральных ценностях человечества и правилах существования в мире. Но не из головы, а действительно прочувствовав и живя так:

- нужно давать, прежде чем получишь («если ты думаешь, что тебе нечего дать, дай улыбку, кто ее у тебя отнимет»);
- все вокруг: близкие, знакомые и незнакомые, природа – учителя;
- нужно с уважением относиться к тому, что дает тебе жизнь, радоваться тому, что есть, и принимать со спокойным сердцем все, что происходит. О том же другой человек говорил: «Нужно быть удовлетворенным тем, что есть, доверять Господу в том, что он все делает во благо»;
- количество переходит в качество: если есть мечта, надо к ней двигаться, и большое количество потраченных усилий приведет к качественным изменениям;
- нужно стараться быть, жить с открытым сердцем.

Но самое главное, это почувствовалось в процессе бесед, что есть некая другая ментальная плоскость восприятия мира, когда абсолютно все воспринимается естественным и гармоничным. Передавалась не только мыслеформа, но и некий чувственный контекст, действительно соответствовавший тому, о чем они говорили.

Приведем пример одной из бесед. Девушка 19-ти лет и ее мама. Как и предыдущие респонденты, они дали ответы, содержащие социальные роли и раскрывавшие деятельностную идентичность. Когда после их ответов я напрямую спросила у девушки, считает ли она себя душой, она сильно удивилась, что меня может интересовать этот аспект. Заулыбавшись, она перевела своей маме (которая лишь немного понимала по-английски) вопрос. Та тоже смутилась. Возникла пауза.

Далее последовало описание того, что она не просто душа, а в ее теле живут две души, как и у ее бабушки. Это определил браман – по индуистской традиции это ученый человек,

обладающий знанием. Они приглашали его для проведения обряда, когда девочке исполнилось несколько дней, и он по нескольким признакам это определил. Сейчас она учится на другом острове (о. Ява), в столице Индонезии, и, видя другой мир, мир цивилизации, она очень рада быть балийкой, потому что у них уникальная культура, сохранившая знания о том, как поддерживать связь с тонким миром, с Богом. В описании персонального бытия респонденты открыли представления, которые никак не вписываются в «общепризнанную» универсальную модель мира. При этом социально и девушка и ее мать адаптированы и удовлетворены, это не вызвало никаких сомнений.

Очевидным стало, что есть жизнь внешняя, социально-приемлемая, в соответствии с требованиями социально-экономической ситуации... И есть сокровенная, личная. Об этом говорили многие исследователи, в частности Э. Шпрангер, считавший, что внутренний мир индивида принципиально несводим к каким бы то ни было природным или социальным детерминантам [13, с. 379]. В. В. Козлов рассматривал психическое пространство как систему, с одной стороны ограниченную индивидуальным Эго и физическими структурами тела, с другой – открытую опыту всего человечества и духовным реалиям бытия. «Даже не вовлекаясь в процесс духовного поиска и самосовершенствования, мы, так или иначе, задумываемся о таких вещах, как смысл человеческого существования, смерть и возможность посмертного существования, обращаемся к категориям фундаментальных законов бытия и трансцендентным измерениям» [6].

С. Л. Рубинштейн также говорит о разных уровнях бытия. Выделяет ипостаси существования и взаимодействия человека с миром:

1. Человек и Вселенная – ее бесконечность, вечность. Величие и малость человека, и исходящая из этого соотношения масштабность жизни. Правильное отношение к бытию, к Вселенной – это то, что формирует человека большого плана, образует возвышенное, героическое начало в жизни человека. Такое отношение противостоит ограниченности человека, способного заниматься только своими «домашними» делами.

2. Человек и Природа. Прекрасное в природе – красота для человека. Эстетическое отношение к осознанному и осмысленному миру природы. Природа как стихия и красота, а не только мастерская и сырье для производства.

3. Человек и Мир. Круг природы и людей как замкнутое конечное целое. В нем – готовые шаблоны, общепринятые представления – «так принято», «все так думают».

4. Человек и Действительность – то, как оно на самом деле есть. Это сфера фактичности и океан, бездна неведомого, неизведанного, таинственного, проблематичного отношения человека к действительности – к тому, как оно в действительности – на самом деле – есть. Отсюда – дух искания, исследования, стремление к истине, объективность.

5. Жизнь человека – в мире, в природе, в обществе, в человечестве, в других людях [11, с. 25].

На наш взгляд, их вполне можно свести к трем уровням бытия: материальное, социальное и духовное. Конечно, в повседневной жизни человек достаточно редко обращается к глобальным проблемам бытия и, может, не каждый день обращается к смыслу своего существования. Не это важно. Важно, что психодуховные ценности ежедневно и ежечасно реализуются через материальное и социальное Эго, и человек все время существует, соизмеряясь с духовными измерениями бытия, высшими ценностями, во всяком случае, в том варианте, как он их понимает [6]. Среди исследователей предпринимаются попытки охарактеризовать и конкретизировать черты и тенденции этих уровней существования человека. Раскрытие экзистенциальных вопросов в психологии в последнее время вызывает довольно большой интерес (личностный смысл, субъективная интерпретация реальности, субъективное пространство личности).

Было очевидно, что респонденты редко говорят на поднятые темы с кем-то напрямую. Они просто так живут, перенимая опыт из поколения в поколение. Стандартные методы опроса показали в тот момент неспособными раскрыть всю многогранность представлений о себе и мире. Необходимы личная вовлеченность и искренний интерес, непредвзятое отношение к миру и личности того, чей «мир» представляет

интерес. Это, разумеется, касается не только научных исследований, этого не хватает нам в наших ежедневных взаимоотношениях. И эта встреча еще раз подчеркнула важность личностных взаимоотношений для создания атмосферы понимания и доверия как на уровне двух человек, так и на уровне народов, стран.

В другой беседе были раскрыты особенности их традиции по захоронению, а точнее кремации родственников, чьи тела «покинула душа», именно так они относятся к смерти. Они проводят несколько обрядов и строят специальные маленькие храмы на территории рядом с домом, чтобы душа, покинувшая тело, благодаря всем проведенным очистительным ритуалам вернулась в семью в следующих поколениях.

Следующий респондент, продавец рисунков, раскрыл свое понимание производимых подношений: «Во время подношения мы молимся, чтобы Господь позаботился о том, чтобы у нас была возможность и средства для осуществления подношений. Такой вот, на первый взгляд, замкнутый круг. Но он действительно о нас заботится, и на Бали уже давно не происходило войн, не происходило катаклизмов, землетрясений, туристы любят наш остров. Все это благодаря церемониям».

Удивительно сохранение представителями этой общности своего уникального внутреннего мира, определенной трактовки происходящего, наряду с социальной адаптированностью и неприязнательностью.

Как подчеркивает Д. И. Фельдштейн, «происходящие сегодня на Земле сложнейшие интеграционные процессы на разных уровнях (политико-экономическом – Большая Европа; религиозном – мусульманский мир и т. д.) сочетаются с явлением диссипации, дифференциацией, разделением людей по религиозным, этническим и другим признакам. И поэтому объективно осуществляющаяся социализация человека происходит одновременно во многих плоскостях и в разных сферах взаимоотношений с другими людьми. При этом человек, с одной стороны, выступает в более плотных, часто усложненных (в т. ч. в рамках семьи) контактах с ближним окружением; с другой – сфера его общения становится во все более разных, на разных уровнях, в частности, за счет роста миграционных процессов, телекоммуникатив-

ных систем, Интернета и др. Поэтому проблема “среды” (в широком понимании), характеристика уровней культурно-исторической ситуации как активных факторов приобретают новое звучание в более сложном и многогранно переструктурированном общем социокультурном пространстве функционирования и развития человека» [13, с. 4].

По мере того, как население Земли стремительно увеличивается, и новые технологии создают новые связи между нами, культурные контексты сталкиваются с непредсказуемыми последствиями. Поэтому ведение переговоров с этим многокультурным миром и глубокое изучение культурной психологии будут чрезвычайно необходимы для исследования того, как культура формирует, и того, как она формируется отдельными личностями [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Образ мира в структуре социального познания // Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 31–41.
2. Балийские ассоциации или 66 фактов об острове Бали // URL: <http://life-with-dream.org/balijskie-associacii-ili-66-faktov-ob-ostrove-bali/>
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособ. для вуз. – М.: Академия, 2007. – 336 с.
5. Зимбардо Ф. Культурная психология // URL: http://trainingcity.ru/interest/articles/kulturnaya_psixologiya.html
6. Козлов В. В. Духовный кризис – структура и динамика // URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1623>
7. Леонтьев Д. А., Смирнов С. Д. Неопубликованные материалы А. Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1986. – № 3. – С. 73.
8. Лурье С. В. Изучение этнической картины мира как междисциплинарная проблема // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 110–117.
9. Мочалова Ю. А. Кросскультурные особенности образа мира представителей

- народов Европы: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2013. – 22 с.
10. Ромек Е. Что может дать философия психотерапевту? // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2011. – № 2 (19). – С. 147–163.
 11. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб: Питер, 2003. – 512 с.
 12. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М., 1999. – 320 с.
 13. Фельдштейн Д. И. Психология развития человека как личности: Избранные труды: В 2 т. Т. 1. – М.: МОДЭК, 2009. – 600 с.
 14. Этнопсихологический словарь / Под ред. В. Г. Крысько. – М.: Изд-во МПСИ. – 1999. – 343 с.
 15. Berry J. W., Poortinga Y. H. Cross-Cultural Psychology: Research and Applications // Cambridge University Press. – 2002. – 588 p.
 16. Maslow A. H. Religions, Values and Peak-Experience. – New Harmondsworth, 1982.
 17. Orne M. T. On the social psychology of the psychological experiment // Am. Psychologist. – 1962. – V. 17.
 18. Segall M. H. Human Behavior and Public Policy: A Political Psychology. – London: Pergamon Press, 1976. – 321 p.

СТРАХ ОДЕРЖИМОСТИ НА ПОСТКОНФЛИКТНОЙ ТЕРРИТОРИИ: МИФ ИЛИ РЕЛИГИЯ

**Гримсолтанова Р. Э.
Батыгов З. О.**

В статье раскрываются вопросы экзистенциального значения религии в социализации и адаптации молодежи в условиях постконфликтного региона. Приводится теоретический анализ того, как понимается феномен одержимости джинном (нечистой силой) в трех крупных религиях (иудаизм, христианство, ислам), и что приводится в качестве учения об одержимости человека нечистой силой в Торе, Библии и Коране. Религии ислам, христианство и иудаизм подтверждают существование нечистой силы и ее влияние на человека, также приводится анализ того, в чем главные сходства и различия данного аспекта во всех трех религиях. Примечательно и то, что все три религии предлагают одинаковый метод в изгнании нечистой силы из тела человека.

Чрезмерная мифологизация определенных религиозных контентов может служить деструктивной трансформацией и деформацией личности, т. к. на этапе чрезмерной мифологизации религиозность личности начинает приобретать избыточность и носить нетрадиционный религиозный характер.

С помощью контент-анализа специально составленной нами анкеты исследуются вопросы, связанные с вероисповеданием в молодежной среде, религиозностью, осведомленностью респондентов в религиозных учениях, связанных с одержимостью человека нечистой силой, аспект восприятия и переживания в молодежной среде мифологического страха, религиозные аспекты в понимании одержимости человека нечистой силой и процесса отчитки.

Главным образом, в статье приводятся подробные результаты анкетирования в процентном соотношении реципиентов, испытывающих мифологический страх в гендерных группах юношеского возраста; распределение гендерных групп на подгруппы в зависимости от степени переживания мифологического страха. Приведены количественные и качественные соотношения между гендерными группами и подгруппами.

Ключевые слова: ислам, религия, религиозность, мифологизация, мифологический страх, одержимость джинном, экзорцизм, отчитка, юношеский возраст, постконфликтная территория.

Религиозное поведение для религиозных людей, исповедующих какую-либо религию, является критерием благополучия как загробной, так и земной жизни. На постконфликтной территории вопросы религии становятся еще более актуализированными для всего общества. В Чеченской Республике религиозное

просвещение и возможность получения профессионального обучения стали доступны на очень высоком, профессиональном и квалифицированном уровне. При достаточно хорошей религиозной образованности среди населения республики, одним из острых вопросов все еще является вопрос одержимости человека

джинном. Самой уязвимой категорией является молодежная выборка юношеского возраста.

Наше исследование обосновано актуальностью среди молодежи юношеского возраста страха подвергнуться одержимости нечистой силой. Главными аспектами исследования явились: выявление религиозной принадлежности, религиозности молодежи, веры в Бога и джинна, потусторонние силы, феномен одержимости человека джинном.

Если рассматривать феномен одержимости человека духом нечистой силы с точки зрения религий ислам, христианство и иудаизм, то обнаруживается, что абсолютно общим для всех трех является представление о том, что злые духи овладевают человеком в состоянии психологического ослабления (стресс, депрессия). Расстройство психики непременно влечет за собой одержимость человека духом, которая сопровождается проявлениями физических недугов, нехарактерной агрессии, глубокой депрессии [7].

Излечение одержимости джинном (очистка, экзорцизм), с точки зрения религиозных учений, возможно только с помощью писаний из священных книг (Коран, Библия, Тора), где практически главным условием успешного излечения является уверенность больного в том, что чтение святых молитв освободит его от злого духа. Это общее во всех трех религиях и представляет интерес для психологии. Однако в настоящее время в психологии фактически нет исследований, направленных на выявление того, как воспринимается явление одержимости духом в молодежной среде [6].

С целью выявления особенностей восприятия явления одержимости джинном, и переживания в связи с этим страхов, среди молодежи юношеского возраста на постконфликтной территории нами было проведено анкетирование испытуемых в количестве 200 человек, учащихся очного отделения III–IV курсов вузов Чеченской Республики.

На первом этапе исследования нами были определены пол, возраст и социальный статус (студенты) испытуемых.

В результате средний возраст испытуемых составил 20 лет. Выборка состояла из равного количества испытуемых: 100 юношей и 100 девушек.

Изначально мы предполагали получить три группы среди испытуемых, испытывающих высокий уровень переживания мифологических страхов, средний уровень переживания мифологических страхов и тех, кто не испытывает подобного страха. Но в результате контент-анализа анкет испытуемых гендерных групп мы получили подгруппы, которые разделились на тех, кто испытывает высокий уровень переживания мифологических страхов, и тех, кто испытывает средний уровень переживания мифологических страхов. Тех, кто не испытывает мифологического страха, т. е. не верит в феномен одержимости человека джинном (злым духом), среди всех 200 человек не оказалось.

Начнем с подробного рассмотрения как результатов анкетирования, так и содержания самой анкеты. Анкета состоит из 24 вопросов и содержит 5 основных шкал:

- 1-я шкала анкеты помогает выявить особенности рефлексии уровня приобщенности себя и своей семьи к определенному конфессиональному направлению;

- 2-я шкала анкеты ориентирована на уровень информированности человека относительно интерпретации ряда религиозных понятий (критериев), связанных с проявлением добра и зла;

- 3-я шкала анкеты выявляет смысловые установки, связанные с фатальностью и катастрофизацией в понимании воздействия религии на управление сознанием и поведением человека;

- 4-я шкала анкеты выявляет, в какой степени люди реально сталкиваются с проблемами психологической угрозы со стороны религиозных феноменов, и в какой степени эти проблемы затрагивают их реальный жизненный мир;

- 5-я шкала анкеты представляет рассмотрение того, в какой степени человек осознает, что общество предлагает определенные механизмы психологической защиты себя от психологических угроз со стороны демонического влияния посредством религии (религиозный деятель, врач, психолог).

Специфика анкеты состоит в том, что в ней ставятся одинаковые по смыслу, но разные по содержанию вопросы, связанные с возможностью вселения джинна в тело человека. Вопрос бесноватости является в регионе

очень острым и вызывает высокий уровень тревоги и страха среди населения. С учетом тревожного и стрессового отношения к данной тематике для получения достоверных данных исследования мы посчитали необходимым составить анкету из повторяющихся, контрольных вопросов.

По результатам анализа анкет мы получили следующие данные: абсолютно все исследуемые (100 %) назвали своей верой ислам и абсолютно все исследуемые (100 %) считают свою семью религиозной – это единственные параметры, показавшие 100 % в обеих группах. Что касается остальных вопросов анкеты, то на рисунке мы видим результаты ответов на вопросы №№ 2, 3, 4, 5, 6 анкеты, где испытуемые гендерных групп дают практически одинаковые результаты (рисунок 1).

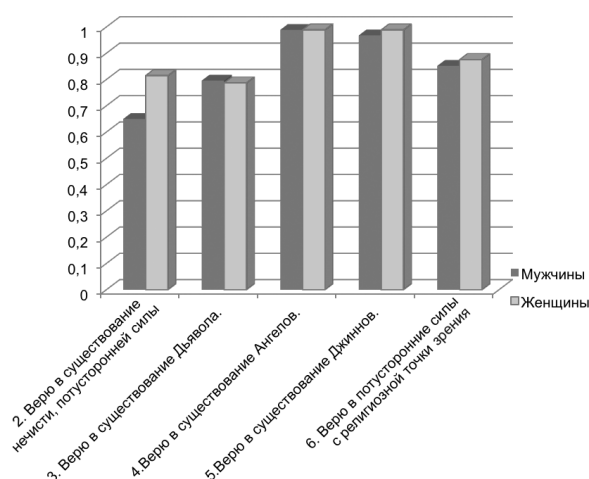

Рисунок 1. Ответы на вопросы анкеты №№ 2, 3, 4, 5, 6

Из диаграммы видно, что группа М (мужчины) и группа Ж (женщины) дают незначительные различия в ответах на вопросы, связанные с интерпретациями ряда религиозных понятий, связанных, в свою очередь, с существованием и проявлением добра и зла.

На рисунке 2 мы также видим незначительную разницу в ответах между группами М и Ж. Однако ощутима разница в ответах на вопросы «Испытывали ли на себе симптомы вселения посторонней силы?» и «Вы допускаете возможность Вашей подверженности воздействию потусторонних сил с религиозной точки зрения?».

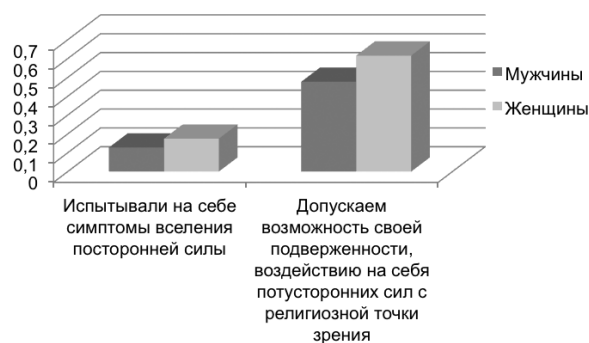

Рисунок 2. Ответы на вопросы анкеты №№ 12, 13

Проанализировав такой результат, можно сделать вывод о том, что испытуемые, не испытывающие на себе реальные симптомы подверженности вселению джина с религиозной точки зрения, тем не менее в количестве от 41 до 58 % допускают свою подверженность вселению в них нечистой силы.

Немаловажными здесь являются результаты ответа на вопрос «Испытывали ли на себе симптомы вселения посторонней силы?», на который испытуемые в количестве около 20 % дают положительный ответ, что свидетельствует о высоком риске их подверженности деструктивному проявлению психологической трансформации.

На следующей диаграмме отражены результаты ответа на вопрос анкеты «Кто виноват в причине одержимости человека?». На рисунке 3 видны незначительные различия в ответах между группами М и Ж. Однако обе группы в практически одинаковом соотношении (более 60 %) отдадут предпочтение варианту «отсутствие веры», где под верой подразумевается не просто вера в религию, Бога, ангелов и джинов, а именно религиозность и религиозное поведение, которое проявляется как во внешних, так и во внутренних (душевных) критериях: молитве, посещении мечетей, мусульманской одежде, соблюдении поста в священный месяц рамадан, искренности в религиозном поведении и в вере в Бога. Ответ на данный вопрос является одним из основополагающих для формирования в сознании человека определенных стратегий поведения, для психологической защиты себя от воздействия потусторонних сил.

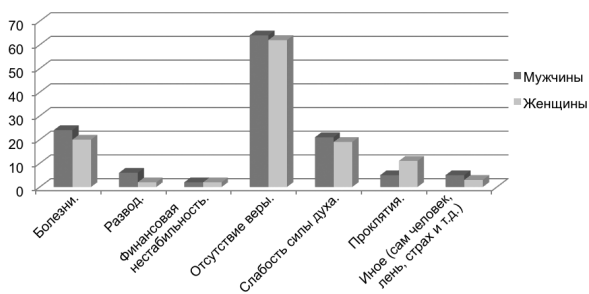

Рисунок 3. Ответы на вопрос анкеты № 14

На рисунке 4 приведены результаты визуализации ответов на следующие вопросы анкеты: 7, 11, 15, 16, 21.

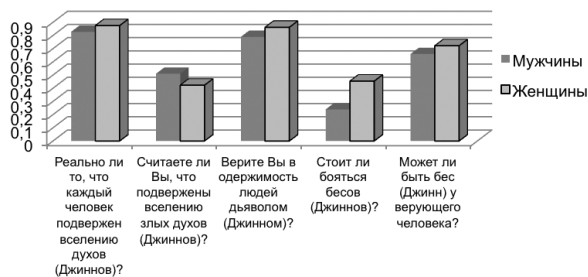

Рисунок 4. Ответы на вопросы анкет №№ 7, 11, 15, 16, 21

Из полученных результатов, представленных на рисунке 4, видно, что при ответе на вопрос «Реально ли то, что каждый человек подвержен вселению духов (джиннов)?» группа М дает положительный ответ в 82,8 % случаев, что незначительно меньше, чем в группе Ж, где положительный ответ дают 87,5 % испытуемых.

При ответе на вопрос «Считаете ли Вы, что подвержены вселению злых духов (джиннов)?» испытуемые группы М дают положительный ответ в количестве 51 %. В группе Ж процентное соотношение несколько ниже: 42,3 % допускают свою подверженность вселению в них джинна.

На вопрос «Верите Вы в одержимость людей дьяволом (джинном)?» мы получаем высокие показатели положительного ответа: в группе М – 79 %, а в группе Ж – 86,2 % испытуемых. При том, что на предыдущей вопрос, где постановка вопроса звучала эмоционально более тревожно, мы получили значительно меньше положительных ответов: М – 51 % < 79 %; Ж – 42,3 % < 86,2 %.

При ответе на вопрос «Стоит ли бояться бесов (джиннов)?» наблюдается значительная разница в положительных ответах в пользу высокого процента испытуемых группы Ж (45,4 %) в противоположность группе М (24 %), что также свидетельствует о более высоком уровне переживания религиозных страхов испытуемыми группы Ж. Разница в ответах между группами может быть связана и с ментальными особенностями воспитания, поскольку признание мужчиной страха считается стыдом.

И последний вопрос на данной диаграмме «Может ли быть бес (джинн) у верующего человека?» по своим результатам показывает незначительную разницу в группах, равную 6,2 %: в группе М положительно ответили 66 % испытуемых, в группе Ж – 72,2 % испытуемых.

Важно отметить тот факт, что при ответе на вопрос «Кто виноват в причине одержимости человека?» в группах М и Ж более 60 % испытуемых выбрали вариант ответа «отсутствие веры». Тогда как на вопрос «Может ли быть бес (джинн) у верующего человека?» испытуемые обеих групп с незначительной разницей отвечают положительно (66 % в группе М и 72,2 % в группе Ж). Такие результаты довольно противоречивы, т. к., с одной стороны, причина бесноватости, по их мнению, – в отсутствии веры, но тем не менее, по их же мнению, джинн может быть у верующего человека. Это свидетельствует о недостаточной степени согласия испытуемых с утверждением, что наличие веры – признак защиты от вселения джинна в человека.

В таблице 1 представлены ответы на вопрос анкеты № 15 «Верите Вы в одержимость людей дьяволом (джинном)?», где испытуемые выбирали варианты ответа «Да, конечно, верю», «Затрудняюсь ответить», «Нет, не верю».

Таблица 1.

**Ответ на вопрос
«Верите Вы в одержимость людей дьяволом
(джинном)?»**

	<i>Верю, конечно</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>Не верю</i>
Мужчины	65 %	28 %	7 %
Женщины	73 %	15 %	2 %

Однако в сравнении с ответами на вопрос «Считаете ли Вы, что подвержены вселению злых духов (джиннов)?», где испытуемые дали значительно более низкий процент положительных ответов (М – 51 %; Ж – 42,3 %), можно сделать вывод о том, что по причине высокой тревожности в отношении темы одержимости испытуемые не хотят примерять на себя роль подверженных вселению злого духа.

Данные подтверждают наличие у испытуемых страхов, связанных с одержимостью злым духом. Также в целом анализ результатов анкетирования выявил несущественные различия в гендерных группах.

На вопрос анкеты «Считаю, что одержимость бесом (джинном), это...» с вариантами ответов: «психическое заболевание»; «умственное расстройство»; «эмоциональное расстройство»; «отсутствие веры», мы получаем данные в процентном соотношении, приведенные на рисунке 5.

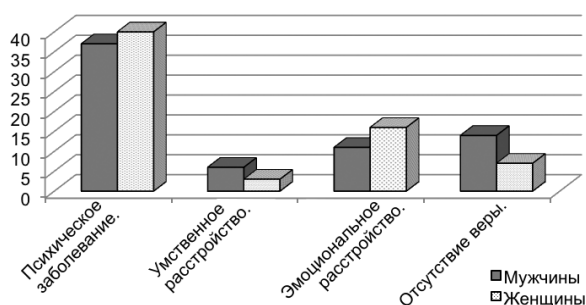

Рисунок 5. Ответы на вопрос анкеты № 17

Из результатов видно, что наибольшей популярностью в вариантах ответов группы М пользуются такие, как «психическое заболевание» (37 %) и «отсутствие веры» (14 %). Группа Ж, в выборе варианта ответа «психическое заболевание», также показывает самый высокий процент – 40 %, и 16 % в варианте «эмоциональное расстройство». Однако самый высокий показатель («психическое заболевание») в обеих группах совпадает.

На рисунке 6 – результаты ответов на вопрос «Кто может освободить человека от вселившегося беса (джинна)?».

56 % испытуемых группы М выбрали вариант ответа «религиозный представитель», а 28 % считают, что освободить человека от вселившегося джинна может «вера» (вера в Бога).

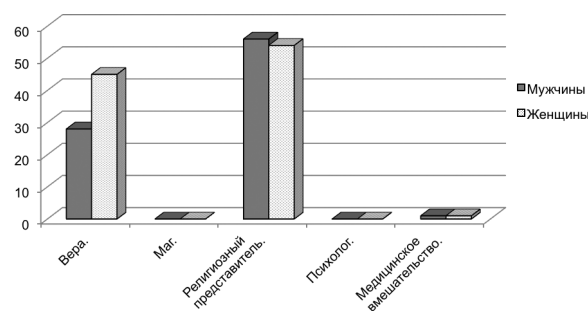

Рисунок 6. Ответы на вопрос анкеты № 23

В группе Ж, мы обнаруживаем аналогичный выбор в вариантах с процентным соотношением, равным: «религиозный представитель» – 54 %, «вера» – 45 %.

В обеих гендерных группах приоритетным вариантом в изгнании джинна является деятельность религиозного представителя.

Так, полученные с помощью анкетного опроса результаты по *первой шкале* свидетельствуют о том, что 100 % испытуемых относят себя к конфессиональной группе, исповедующей религию ислам; все 100 % испытуемых считают свою семью религиозной. Средний возраст всех испытуемых составляет 20 лет. Полученные данные являются результатом исследований выборки обеих групп.

По *второй шкале* исследования показали значительные результаты в показателях с незначительной разницей между гендерными группами. В обеих группах по данной шкале получено от 60 до 98 % положительных ответов на вопросы относительно веры в нечистую силу, духа, ангела и джинна.

На вопросы по *третьей шкале*, связанные с мнением испытуемых о реальности подверженности каждого человека вселению джиннов, мужская группа дала положительные ответы в количестве 82,8 %, женская группа на этот же вопрос положительно ответила в 87,5 % случаев.

Результаты опроса по *четвертой шкале*: на вопрос «Кто виноват в причине одержимости человека?» из представленных вариантов – 64 % среди мужчин и 62 % среди женщин, считают причиной одержимости «отсутствие веры».

По *пятой шкале* анкеты получены следующие результаты.

На вопросы о том, как и в чем могут проявляться симптомы, подтверждающие вселение

джиннов в человека, а также как определить, есть ли в человеке джинн, респонденты в основном называли отсутствие религиозного поведения, неадекватную агрессию, замкнутость, агрессивную реакцию на чтение священных писаний и т. п. В вопросе анкеты «Кто может освобождать человека от вселившегося беса (джинна)?» 56 % в группе мужчин и 54 % в группе женщин выбрали ответ «религиозный представитель».

В результате всего исследования в выявлении наличия и степени переживания мифологических страхов у представителей ислама в период юности на постконфликтной территории Юга России и анализа полученных данных, мы получили результаты, соответствующие следующим параметрам: 82 % юношей из 100 % испытывают высокий уровень переживания мифологических страхов; 18 % юношей испытывают средний уровень переживания мифологических страхов; 79 % девушек из 100 испытывают высокий уровень переживания мифологических страхов; 21 % девушек испытывают средний уровень переживания мифологических страхов.

Данные, полученные в результате исследования, позволяют предполагать необходимость просветительской деятельности, психолого-педагогического сопровождения молодежи и религиозного просвещения в рамках традиционного религиозного учения с целью профилактики и коррекции тех, кто попадает в зону риска деструктивной трансформации сознания и поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н.* Технологии направленного воздействия по профилактике идеологии экстремизма и терроризма // Сборник материалов 6-й международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму (11–13 ноября 2010 года, МГУ, Москва). – М., 2010. – С. 181–194.
2. *Гримсолтанова Р. Э., Гримсолтанова Т. Э.* Отношение студенческой молодежи в Чеченской Республике к феномену одержимости // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Проблемы подготовки специалистов в современных социокультурных условиях», Ставрополь, 2014. – С. 67–76.
3. *Гримсолтанова Р. Э.* Личностная тревожность и религиозность молодежи – инструмент манипуляции сознанием и поведением // Научный взгляд на современный этап развития общественных, технических, гуманитарных и естественных наук. Актуальные проблемы: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (2–3 сентября 2014). – СПб.: КультИнформПресс, 2014. – С. 31–34.
4. *Гримсолтанова Р. Э.* Методология восприятия вторичного образа // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 43–46.
5. *Гримсолтанова Р. Э.* Место религии в специфике личностного развития. Психология религии // Ломоносов-2014: тезисы XXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (7–11 апреля 2014). – М.: МАКС Пресс, 2014.
6. *Гримсолтанова Р. Э.* Одержимость как предмет психологического исследования // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 55–62.
7. *Гримсолтанова Р. Э.* Психологические особенности мифологических страхов в период юности у представителей ислама // Российский психологический журнал. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 16–26.
8. *Гримсолтанова Р. Э.* Психология воздействия религиозных учений и тоталитарных культов на личностные особенности в контексте различных психологических подходов // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 19–23.
9. *Гримсолтанова Р. Э.* Психология религии и роль явления одержимости в студенческой среде Чеченской республики // Конференция «World & Science». – Чехия, 2014. – С. 152–157.
10. *Гримсолтанова Р. Э.* Религиозная одержимость как предмет психологического анализа: постановка проблемы // Российский психологический журнал. – 2012. – Т. 9. – № 4. – С. 62–69.
11. *Гримсолтанова Р. Э.* Религиозность чеченской молодежи и ее критерии // Психология

- и педагогика: теоретические и практические аспекты современных наук. Материалы XXII Международной научно-практической конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых (31 мая 2014). – М.: Изд-во Моск-ого науч. центра психологии и педагогики, 2014. – С. 59–62.
12. *Гримсолтанова Р. Э.* Социальные, психологические и психиатрические трансформации религиозных установок в регионах с повышенной социально-психологической напряженностью // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Религия, религиозность, философия и гуманитаристика в современном информационном пространстве: национальный и интернациональный аспекты», Украина, 26–27 декабря 2013. – С. 5–12.
13. *Гримсолтанова Р. Э.* Страх перед одержимостью джиннами, как критерий религиозности в Чеченской республике // *European Social Science Journal*. – 2014. – Т. 3. – № 7. – С. 364–368.
14. Мифология и религия / Философия / Сост. Л. Д. Ерохина, А. К. Ерохин и др. // URL: <http://abc.vvsu.ru/Books/filosofia/page0003.asp>
15. *Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju.* Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth / The 13th European Congress of Psychology, 2013. – Stockholm, Sweden, 9–12 July 2013.
16. *Grimoltanova R. E., Grimoltanova T. E.* Value of myth and religious belief of young people in the conditions of post-conflict region // *European Science and Technology: materials of the VIII international research and practice conference*. – Munich, October 16th–17th, 2014. – pp. 291–296.
17. *Grimoltanova R. E.* Rilevanza esperienze mistiche nelle regioni post-conflitto // *Italian Science Review*. – 2014. – 1 (10). – pp. 113–115.
18. *Haber J., Jacob R., Spangler J. D. C.* Dimensions of religion and their relationship to health // *The International Journal for the Psychology of Religion*. – 2007. – Vol. 17 (4). – pp. 265–288.
19. *Powell L. H., Shahabi L., Thoresen C.* Religion and spirituality linkages to physical health // *American Psychologist*. – 2003. – Vol. 58. – pp. 36–52.
20. *Wuthnow R.* How religious groups promote forgiving: a national study // *J. Sci. Stud. Relig.* – 2000. – Vol. 39. – pp. 125–139.

ВООБРАЖАЯ ГОРОД. ИЗУЧЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ

Лагодина Е. В.

Данная статья включает в себя результаты качественных методик исследования по изучению восприятия городского пространства в рамках диссертационной научной работы. Автор анализирует факторы, из которых складывается ощущение субъективного комфорта проживания в городе, пытается выявить положительные и негативные моменты. Результаты, приведенные в статье, получены при помощи структурированного глубинного интервью и метода ментальных карт. В процессе личного интервью респонденту предлагалось составить ментальную карту своего города. Данное задание формулировалось в качестве просьбы изобразить город графически таким, каким он его себе представляет, постаравшись отразить те части города, которые респондент знает.

Результаты, полученные с помощью интервью, можно разделить на четыре тематических блока: оценка города с точки зрения субъективного комфорта, описание места жительства, городские символы, отношение человека к городу и проектирование идеальной среды для проживания. В статье наиболее отражены именно первые три аспекта, массив данных по последнему четвертому пункту достаточно объемен и требует отдельной публикации. Результаты глубинных интервью были проанализированы с помощью метода контент-анализа. В исследовании приняли участие 34 человека (17 женщин и 18 мужчин), жители города Ростова-на-Дону из трех возрастных групп (17–25 лет, 26–40 лет, 41 и старше). Для большей части респондентов город Ростов-на-Дону является родным, либо время проживания составляет больше пяти лет. Учитывая тот факт, что крупные российские города испытывают ряд достаточно серьезных и схожих проблем, автор полагает, что результаты данного исследования могут быть полезны и применимы не только в масштабе данной исследуемой локации. Автор убежден, что успешность решения стоящих перед городскими властями задач во многом зависит в первую очередь от готовности взаимодействовать с горожанами и интегрировать их в процесс принятия решений.

Ключевые слова: психология, социология, городские исследования, городское пространство, планирование города, городская инфраструктура, урбанизация, ментальные карты, образ города, городские символы.

Проблематика городского пространства вызывает в последние несколько лет все больший интерес российских исследователей и чиновников. Тема городского обустройства стала не просто популярной, но даже модной. И это, в общем, не удивительно, учитывая

общемировые тренды. Однако если мы хотим понять в полной мере специфику современного российского города со всеми его сложностями и проблемами, необходимо вспомнить несколько ключевых исторических аспектов. Города создавались как военные и административные

поселения, а их развитие в качестве полноценных промышленных, финансовых и культурных центров сильно ограничивало крепостное право. Как целостное образование город начал развиваться со 2-й половины XIX в. При этом основная часть населения была социализирована и сформирована в рамках крестьянской культуры [3, 6, 7].

На современный облик и устройство средне-статистического российского города большое влияние также оказала и советская эпоха. Населенные пункты были в первую очередь индустриальными центрами, обслуживающими нужды экономики, и их интенсивный рост требовал типовых, хорошо масштабируемых решений. Советского человека никто не спрашивал: нравится ли ему новый жилой массив, реконструкция исторической застройки или новая набережная. Он просто встраивался в некие заданные условия, приспосабливался, впитывал с их помощью идеалы новой жизни. Вместе с закатом советского периода наступил конец города как тотального государственного проекта. Советское планирование, как и многие явления этого времени, имели не только слабые, но также сильные стороны. Оно, безусловно, было директивным, но в отличие от современного планирования оперировало большими масштабами и развивало системный подход к территории, что оказалось совершенно забыто после «перестройки». Точечная застройка, обветшание исторического центра, визуальная и архитектурная дисгармония, инфраструктурные проблемы – та реальность, с которой столкнулись российские города, выйдя из череды сложных перевоплощений. В связи с растущей конкуренцией, развернувшейся в последнее время в экономической, культурной, туристической, интеллектуальной сферах, вопрос уникальности и благоустроенности города встает весьма очевидно.

Теперь городу недостаточно просто быть населенным пунктом, ему необходимо выделяться, чтобы иметь шанс преуспеть в борьбе за экономические и человеческие ресурсы, из чего возникает большое количество вопросов, ответы на которые пока совсем не очевидны. До настоящего момента российский город существовал в некой параллельной реальности относительно своих жителей. Каким он

будет теперь? Сможет ли эволюционировать из города–декорации и города–символа в город для жизни?

В ответ на большое количество артикулируемых проблем в сфере городского развития и планирования все чаще звучит немного туманный термин «городское благоустройство». Что именно оно собой представляет? Как оценить его эффективность? И кто определяет комплекс мер, заложенных в благоустройство конкретного города или территории? Дискуссий, разворачивающихся вокруг будущего российских городов, достаточно много, как и тех задач, которые предстоит решить, но что удивительно, – проходят они в основном на уровне экспертов и чиновников, в последнее время – иногда с включением городских активистов. Однако главное заинтересованное лицо всех будущих и настоящих городских обустройств остается в стороне, оказывается вовсе исключенным из этого диалога. И это главное звено в решении проблем городского пространства – простой горожанин, человек, день за днем соприкасающийся с невымышленной, вполне реальной городской действительностью, перемещающийся, проживающий ее, имеющий свое к ней отношение, систему символов, связанных с этой средой.

В своем исследовании мы попытались рассмотреть городское пространство именно с точки зрения субъективного восприятия; понять, из чего складывается ощущение психологического комфорта и достижимо ли оно в условиях городской жизни. Как и по каким критериям люди оценивают городскую среду, каковы их потребности, какие значимые символы и ассоциации связывают они со своим городом, – все эти вопросы легли в основу нашего исследования.

В исследовании приняли участие 34 человека (17 женщин и 18 мужчин), жители города Ростова-на-Дону. Для большей части респондентов город Ростов-на-Дону является родным, либо время проживания составляет больше пяти лет. В исследовании были использованы глубинное интервью и метод ментальных карт. Результаты глубинных интервью были проанализированы с помощью метода контент-анализа.

В процессе интервью респонденты отвечали на вопросы, которые можно сгруппировать в следующие тематические блоки:

1. Оценка города с точки зрения субъективного комфорта (оценка города по пятибалльной шкале: что нравится и не нравится, были ли мысли о переезде и т. д.).

2. Описание места жительства (место проживания респондента, его оценка, что нравится, что не нравится, количество времени, проводимое в этой части города и по каким поводам).

3. Городские символы и отношение человека к городу (ассоциации, достопримечательности, любимые места и т. д.).

4. Проектирование идеальной среды для проживания (идеальное место проживания, инфраструктура в этом районе, ваш дом, что находится рядом с ним и т. д.).

Также в процессе интервью респонденту предлагалось составить ментальную карту своего города. Данное задание формулировалось в качестве просьбы изобразить город графически таким, каким он его себе представляет, постаравшись отразить те части города, которые респондент знает. Метод ментальных карт является одним из наиболее информативных и широко используемых методик для изучения городского пространства. Ментальная карта – это отражение внутреннего образа города, базирующегося на его объективных характеристиках (географическое положение, планировка, административное деление и т. д.), но вместе с тем этот образ субъективен и содержит много значимой, личной информации (отношение к городу, значимые объекты и места, ассоциации, связанные с городом, и т. д.).

Респонденты разного возраста, проживающие в разных частях города, оценивают г. Ростов-на-Дону с точки зрения субъективного комфорта достаточно низко – 3 балла из 5. Такое единодушие в низкой оценке говорит о невысоком общем уровне удовлетворенности горожан. Желание переехать в другой город явно выражено у двух первых возрастных групп (17–25 лет – 64 %, 26–40 лет – 80 %) и отсутствует у людей более старшего возраста (22 %), что, судя по их ответам, связано с привычкой, устоявшимся образом жизни, близостью родственников и друзей. Респонденты старшего возраста (41 и старше) чаще других затрудняются ответить на вопрос, что им нравится в городе. Их ответы редко совпадают и среди них преобладают субъективные факторы (нравится

конкретное место жительства в городе, какие-то конкретные места, все знакомо, поздно).

В качестве негативных факторов в оценке города жители выделяют проблемы, связанные с городским трафиком и общественным транспортом (35 % опрошенных), а также работой структур ЖКХ на уровне города (12 %) и на уровне отдельных локаций (5 %). Горожанам безразличен внешний вид той городской среды, в которой они живут. Об этом говорит наличие недовольства относительно архитектурной политики властей – об этом говорят 8 % опрошенных. Также 12 % респондентов отрицательно высказываются об уровне развития городской инфраструктуры, 14 % не удовлетворены количеством и качеством парковых зон, их удаленностью от места проживания, 8 % указывают на недостаток пешеходных зон и неблагоприятный климат. По положительным факторам мнения респондентов разных возрастных категорий расходятся.

18 % респондентов в возрасте 17–25 лет отмечают, что им нравится старый центр.

Респонденты в возрасте 26–40 (33 %) положительно отмечают то, что в городе в последнее время происходят изменения, 27 % опрошенных также нравится старый центр.

У респондентов старшего возраста положительные эмоции вызывают скорее те люди, которые живут в городе (тот факт, что рядом близкие, родственники; нравится сам типаж южного человека), нежели какие-то факторы, связанные с городским устройством. Относительно самого города затрудняются назвать, что им нравится.

79 % респондентов положительно оценивают свое место жительства в городе. Среди факторов, которые влияют на положительную оценку места жительства, респонденты выделяют следующие: шаговая доступность – 38 % опрошенных; развитая инфраструктура, наличие рядом с домом необходимых объектов (остановка, рынок, магазины, спортивные сооружения и т. д.) – 29 %; спокойный район – 24 %; наличие озеленения и парковых зон поблизости – 18 %; нравится дом, в котором респондент проживает (планировка, архитектура, надежность) – 15 %; красивый вид из окна – 7 %.

В качестве негативных факторов респонденты выделяют: транспортные проблемы и про-

блемы городского трафика (пробки, сложно выбраться из своего района и долго добираться в другую часть города, транспорт плохо ходит) – 18 % опрошенных, низкая эстетическая привлекательность окружающей среды – 15 %, загазованность – 12 %, низкий уровень развития инфраструктуры – 12 %, грязно – 9 %, проблемы с парковкой и отсутствие парковочных мест – 9 %, постоянные проблемы в сфере ЖКХ – 9 %, пыльно – 9 %.

В своих ассоциациях с городом наиболее часто горожане разных возрастных групп упоминают исторический центр города (15 %) и реку Дон – также 15 % опрошенных. Также респонденты наиболее часто называют следующие варианты: набережная – 9 %, хамство – 9 %, здание публичной библиотеки – 9 %, нет ассоциаций – 9 %. Ответы респондентов отличаются разнородностью и многочисленностью несовпадающих ассоциаций, из чего можно сделать вывод, что целостного образа города Ростова-на-Дону на данный момент просто не существует, однако судя по ответам, именно исторический центр мог бы стать ядром для формирования этого образа.

В качестве достопримечательностей ростовчане называют: здание театра драмы им. М. Горького – 38 % респондентов, набережная после реконструкции – 35 %, здание музыкального театра – 29 %, историческая часть города – 24 %, здание публичной библиотеки – 24 %, собор на центральном рынке – 18 %, улица Пушкинская – 15 %, краеведческий музей – 15 %. Стоит отметить, что среди городских достопримечательностей чаще всего называются архитектурные объекты или пространства в городе, имеющие необычный или привлекательный внешний вид: театр драмы им. М. Горького является памятником конструктивизма и имеет форму трактора, городская набережная приобрела после реконструкции вполне европейский вид и стала любимым местом прогулок ростовчан, здание музыкального театра имеет форму белого рояля, современное здание публичной библиотеки также весьма необычно по своему внешнему виду и напоминает средневековую цитадель. По мнению 18 % респондентов, в городе нет достопримечательностей. Ростовчане разных возрастных групп считают, что существует такая проблема, как близость спальных

районов. Эти жилые зоны не имеют интересных пространств и объектов.

Достопримечательность с точки зрения респондентов – это место, отражающее индивидуальность города, место для приезжих, и оно должно быть по-настоящему интересным, таким, которого нет больше нигде.

Судя по ответам респондентов, можно также заключить, что идеальное рекреационное место для них – это место, где есть природа, при этом благоустроенное – удобное для посещения, оборудованное тропинками и лавочками, нелюдное. Любимое место – это комфортное и приятное, где человек может отдохнуть, пообщаться и провести время так, как хочет. Чем больше возможных вариантов использования у места, тем более оно популярно. Это видно на примере улицы Пушкинской (47 %) и набережной (32 %), наиболее часто упоминаемых в качестве любимого места в городе. Респонденты указывают на их эстетическую привлекательность, на возможность в этих местах пеших прогулок, на то, что это места, где можно отдохнуть, отвлечься, а также использовать их для встреч и общения. Многие респонденты жалуются на нехватку мест для прогулок и определенную удаленность парковых зон, говорят о том, что им хотелось бы иметь возможность проводить время и гулять с детьми именно в «парке-лесу», естественном природном объекте, обустроенном для посещения, без навязчивого засилия аттракционов и громкой музыки.

У многих респондентов на ментальной карте центр визуально больше других частей города (38 %), в отличие от других районов они изображают его детально (отмечают улицы, здания, достопримечательности). Респонденты, живущие в центре, изобразили на своей карте только его; спальных районов либо совсем нет на рисунке, либо они обозначены где-то в стороне, как бы в отрыве от общей карты. При этом все респонденты осведомлены о том, что эти районы есть, и во время интервью даже называют их. Спальные районы на всех рисунках как бы уходят за границы, либо просто обозначены контуром, 33 % респондентов вообще изобразили их отдельными островками, никак не связанными ни с центром, ни между собой.

Довольно редко респонденты включают в свои карты достопримечательности, всего

12 %, в то время как объекты личного характера встречаются значительно чаще – 24 % (дом, работа, значимые места). 53 % респондентов изобразили город в виде простой схемы, обозначив только основные его части и всего несколько улиц. Чаще всего респонденты начинают рисовать свою карту именно с реки Дон и центра города, реже, если они живут в спальном районе, – с этого района. Река Дон встречается в 59 % рисунков. Очевидно, респонденты склонны с большей детализацией прорисовывать те части города, которые интуитивно им более приятны. Манера изображения остальных частей города и интервью подтверждают, что эти зоны в восприятии респондентов являются «пустыми» и неинтересными. Спальные районы чаще всего изображают просто очертанием, иногда респонденты отмечают точкой или крестиком в них свой дом. В них мало каких-либо уникальных или визуально интересных объектов, они ассоциируются у людей в отличие от центра города просто с некой протяженностью.

Несмотря на специфику каждого конкретного города, проблемы российских городских пространств на данный момент весьма однотипны, и очевидно, что полученные результаты в наиболее ключевых аспектах справедливы и актуальны не только для г. Ростова-на-Дону.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселкова Н. В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практики использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2010. – № 31. – С. 5–30.
2. *Веселова М. Н.* Пространственно-временной аспект взаимодействия человека с историческим городом // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 5.
3. *Виноградова Е. И.* Представление о ментальных картах города Екатеринбурга // URL: http://archvuz.ru/numbers/2006_22/k25
4. *Глазков К. П.* Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. – 2013. – № 3.
5. *Глазков К. П.* Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – Т. 5. – № 117. – С. 136–151.
6. *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. – М.: Наука, 1984. – 180 с.
7. *Культура города: проблемы инноваций.* Сб. науч. трудов / Под науч. ред. В. Л. Глазычева. – М.: Изд-во НИИ культуры, 1987. – 200 с.
8. *Культура города: проблемы развития.* Сб. науч. трудов / Под ред. В. Л. Глазычева. – М.: Изд-во НИИ культуры, 1988. – 187 с.
9. *Линч К.* Образ города. – М.: Стройиздат, 1982.
10. *Линч К.* Совершенная форма в градостроительстве: пер. с англ. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
11. *Смолова Л. В.* Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. – СПб: Речь, 2008.
12. *Смолова Л. В.* Становление психологии взаимодействия с окружающей средой (исторический аспект) // 4-я Российская конференция по экологической психологии: Материалы конференции. Под общ. ред. В. И. Панова и А. В. Иващенко. – М.: РУДН, 2006. – С. 28–42.
13. *Стрельникова А. В.* Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении / Сборник статей VI научно-практической конференции «Современная социология – современной России» // URL: www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76002574
14. *Холодова Л. П.* Образ города Екатеринбурга // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 275-летию города. – Екатеринбург, 1998.
15. *Штейнбах Х. Э., Еленский В. И.* Психология жизненного пространства. – СПб.: Речь, 2004. – 239 с.
16. *Gifford R.* Environmental psychology. Principles and practice. – Victoria, Canada, 2002. – 535 p.
17. *Kitchin R., Dodge M.* Rethinking Maps // Progress in Human Geography. – 2007. – no. 31 (3). – pp. 331–344.
18. *Wolff L. A.* New Mental Map of the World // The New York Times Opinion. – 2001.

РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫБОРА ЗНАЧИМОГО ДРУГОГО УЧАЩИМИСЯ МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЫРАЖЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Ращупкина Ю. В.

В статье излагаются результаты исследования результативных характеристик выбора значимого другого человека учащимися молодыми людьми. Показано, что выбор значимого другого является одним из жизненных выборов, существенное влияние на который оказывает личностная зрелость. Изложены признаки и характеристики жизненных выборов молодых людей. Рассмотрены результативные характеристики выбора значимого другого, отражающие содержание и пространственно-временную перспективу выбора и выраженные в самооценках респондентов. Результативные характеристики проанализированы в связи со зрелостью личности, обуславливающей специфику жизненных выборов. Личностная зрелость рассматривается как специфическая конфигурация личностных особенностей, строение которой отражено целостностью взаимосвязанных компонентов, включая ценностно-мотивационный, эмоционально-волевой, рефлексивный, операциональный компоненты.

Виды личностной зрелости выделены на основе содержания каждого из компонентов и рассмотрены в континууме «личностная зрелость – личностная незрелость». Эмпирически изучено и раскрыто содержание результативных характеристик выбора значимого другого у мужчин и женщин в зависимости от выраженности и видов их личностной зрелости. Эмпирически установлено, что особенности результативных характеристик обусловлены зрелостью и половой дифференциацией субъектов. С помощью метода полярных групп созданы «портреты» выбираемого значимого другого «зрелыми» и «незрелыми» мужчинами и женщинами. Эмпирически установлено, что сходным при выборе значимого другого для «зрелых» и «незрелых» молодых людей является содержание материальных ценностей, образования, вероисповедания, особенности образа жизни и профессиональной деятельности, ценностной и мотивационной сфер значимого другого. Для «незрелых» молодых людей, в отличие от зрелых, является важным и уровень дохода выбираемого значимого другого человека.

Ключевые слова: *жизненный выбор, процессуальные характеристики, результативные характеристики, значимый другой, молодые люди, учащаяся молодежь, личностная зрелость, виды зрелости, выраженность зрелости, личностная инфантильность.*

На протяжении своего жизненного пути, независимо от той социальной ситуации, в которой находится на данный момент личность, молодые люди осуществляют межличностные выборы, объектом которых может выступать тот

или иной значимый для них человек. Значимый другой – «личность, отраженная субъектность которой оказывает влияние на других людей, выражающееся в изменении их мотивационно-смысловой и эмоциональной сфер» [9, с. 152].

Значимым другим может быть любой человек, влиятельный в своем воздействии на поведение и развитие данной личности, т. е. на принятие ею тех или иных социальных норм, ценностных ориентаций, формирование образа себя. Иначе говоря, значимый другой изучается в контексте социально-психологических отношений личности. Личность выбирает партнеров по взаимодействию и общению в разных сферах социальной жизнедеятельности: друзей, партнеров в учебном и трудовом взаимодействии, в личной жизни. Роль значимого другого для субъектов заключается в построении и создании семьи, новых отношений; с ним связываются представления субъекта об идеальном друге, супруге, партнере по бизнесу. Поэтому выбор друзей, спутника жизни, сексуального партнера подготовлен социальной ситуацией развития молодых людей.

Выбор значимого другого человека относится к личностным выборам, поскольку при осуществлении данного выбора личность ориентируется на свои ценности и потребности, на их соотношение и определенное совпадение с ценностями и потребностями значимого другого [10]. Для нас выбор значимого другого выступает одним из жизненных выборов личности, признаками которого являются: способность оказывать влияние на развитие личности и определять ее судьбу; личностная значимость; отнесенность к отдельной жизненной сфере – профессиональной, социальной, семейной [11].

Анализ психологической литературы показал, что в качестве характеристик жизненного выбора, которые требуются для «правильного», зрелого, осознанного и обдуманного выбора, выступают процессуальные и результативные. Процессуальные характеристики отражают сознательную включенность личности, меру ее самостоятельности и уверенности в ходе осуществления выбора, результативные – содержание и пространственно-временную перспективу выбора. Процессуальные характеристики (уверенность, самостоятельность, осознанность) приписываются исследователями именно выбору зрелой личности, эмпирически изучаются преимущественно на примере профессионального и карьерного выборов [5, 6, 7, 12]. Их особенности обуслов-

лены полом, возрастом, выраженностью личностной зрелости субъектов (С. Т. Джанерьян, Л. А. Зайцева; А. Л. Щебетова; Ю. В. Ращупкина). Характеристики жизненных выборов с точки зрения его результата можно методически диагностировать по оценкам субъектов времени достижения желаемого результата выбора, представленного содержанием выбираемого. В данной статье акцентируется внимание только на результативных характеристиках выбора значимого другого человека.

Результативные характеристики выбора значимого другого методически диагностировались по оценкам респондентов временной перспективы и значимости для них предложенных биологических, социальных и личностных свойств, позволяющих создать портрет выбираемого значимого человека. В основу описания портрета была положена концепция Б. Г. Ананьева, в которой человек рассматривается как биологический индивид, субъект деятельности и личность [2].

В отличие от исследований выбора карьеры, специальные исследования выбора значимого другого сфокусированы на изучении выборов брачного [1, 3], сексуального [13], долговременного [8] партнеров, спутника жизни [14] и их особенностях. Другими словами, значимый другой прежде всего изучается в контексте становления супружеских отношений. Это значительно сужает круг исследований по данной тематике: не позволяет расширить представления об объекте значимого другого, изучить выбор значимого другого молодыми людьми разных возрастных категорий, закономерности данного выбора зрелыми и незрелыми личностями. Научно-психологические исследования характеристик выбора значимого другого в зависимости от пола, выраженности и вида личностной зрелости выбирающего субъекта немногочисленны. Целью нашего исследования выступило изучение результативных характеристик выбора значимого другого молодыми людьми с разными видами личностной зрелости. Предметом настоящего исследования выступил выбор значимого другого. Объектом исследования выступили 269 субъектов (134 мужчин и 135 женщин) в возрасте от 15 до 50 лет, получающих образование в выпускных классах средних школ г. Азова и в вузах г. Ростова-на-Дону. Для

изучения выбора значимого другого была разработана авторская анкета С. Т. Джанерьян, Ю. В. Ращупкиной «Анкета для изучения выбора значимого другого». Для анализа полученных результатов был применен метод полярных групп. При обработке эмпирических данных использовались методы непараметрической статистики (критерии Фридмана, Вилкоксона), процедура квартилирования, биномиальный критерий.

Анализ временных интервалов для выбора значимого другого осуществлялся с учетом квартильных значений индивидуальных показателей временных интервалов, отмечаемых респондентами. Для данного выбора длительным временным интервалом принимались показатели от 9 лет и выше, коротким – ниже 9 лет.

В предыдущих исследованиях личностная зрелость была представлена конфигурацией личностных особенностей, выражающейся в сформированности на данный момент развития субъекта иерархией ценностей и мотивов индивидуализации и социализации (ценностно-мотивационный компонент), выраженной волевой саморегуляцией (эмоционально-волевой компонент), развитым самосознанием (рефлексивный компонент), высокой произвольностью поведения наряду с выраженной социальной адаптацией (операциональный компонент). В результате факторного анализа были эмпирически выделены и описаны виды зрелости, различающиеся по ведущему содержанию доминирующего компонента, взаимосвязанного с содержаниями других компонентов. В итоге выделились группы респондентов с присущими им соответствующими видами зрелости: 1 группа – «высокая социальная адаптированность ценой внутреннего контроля»; 2 группа – «осознание своих социальных ролей»; 3 группа – «самовыражение»; 4 группа – «акцентирование ценностей индивидуализации»; 5 группа – «выраженная рефлексивность»; 6 группа – «значимость творчества». С учетом содержания личностных черт, присущих респондентам первых трех групп, их виды зрелости были отнесены к полюсу «личностная зрелость», другие виды зрелости – к полюсу «личностная незрелость». 7 группу составили респонденты, характеризующиеся личностной инфантильно-

стью, которые также были отнесены к полюсу «личностная незрелость» [4].

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать: особенности результативных характеристик выбора значимого другого различаются в зависимости от пола и зрелости выбирающих субъектов. С помощью метода полярных групп были обобщены характеристики выбираемого значимого другого, представлены его «портреты» для субъектов выбора, различающихся личностной зрелостью.

Для «зрелых» женщин значимым другим человеком выступает мужчина – ровесник либо мужчина старшего возраста, как правило, это друг или коллега по работе, житель города, имеющий собственное жилье и автомобиль – иномарку, высшее образование, высокий уровень дохода, ведущий преимущественно карьерный образ жизни, занятый в социальном, артистическом либо исследовательском типах профессий; православный, чтящий семейные традиции. По мнению женщин, для него важны ценности материального достатка и самосовершенствования.

«Незрелые» женщины в качестве значимого другого человека выбирают супруга, друга, либо коллегу по работе, как мужчину, так и женщину, ровесника либо человека старшего возраста, жителя города, имеющего собственное жилье и автомобиль – иномарку, высшее образование, уровень дохода – выше среднего, ведущего в основном карьерный образ жизни, занятого в артистическом или предпринимательском типах профессий. Выбираемый значимый человек должен быть православным; для него ценностями являются семья, карьера и самосовершенствование.

Таким образом, как для «зрелых», так и для «незрелых» женщин при выборе значимого другого одинаково важным являются биологические, субъектные и личностные свойства, включая социально-демографические и ценностно-мотивационные, выбираемого значимого человека. Различия проявляются по содержанию ценностей и мотивов, составляющих личностные свойства выбираемых значимых других. Для «зрелых» женщин значимыми являются его ценности адаптации и индивидуализации, для «незрелых» – ценности социализации и индивидуализации.

Для «зрелых» мужчин значимым другим выступает любой человек независимо от его пола, возраста и происхождения. Однако у него должно быть собственное жилье и автомобиль – иномарка, высшее образование, средний или выше среднего уровень дохода; он может вести любой образ жизни, кроме божественного и общественного, быть занятым в социальном, интеллектуальном либо предпринимательском типах профессий. Значимый человек должен быть православным, чтящим семейные и национальные традиции; для него важны ценности семьи, творчества, уважения и признания окружающих, самосовершенствования и образования, стремление к укреплению своего здоровья, стабильной жизни, уважению и признанию окружающими, самоактуализации.

Для «незрелых» мужчин значимым другим является коллега по работе, независимо от его пола, возраста, происхождения и наличия у него личного автомобиля. Однако он должен иметь собственное жилье, высшее образование, выше среднего или высокий уровень дохода; быть занятым в интеллектуальном или предпринимательском типах профессий, вести любой образ жизни, кроме матримониального и гностического; быть православным или атеистом, чтить семейные традиции. Для него должны быть важны любые ценности, кроме здоровья, семьи и развлечений (отдыха); стремление к уважению и признанию окружающими и самоактуализации.

Следовательно, как для «зрелых», так и для «незрелых» мужчин при выборе значимого другого не имеют существенную значимость биологические свойства выбираемого значимого человека. Различия проявляются по содержанию ценностей и мотивов, составляющих личностные свойства выбираемых значимых других. Для «зрелых» мужчин значимыми являются его ценности социализации и индивидуализации, для «незрелых» – любые ценности, за исключением отдельных ценностей адаптации (здоровье, отдых) и социализации (семья).

Анализ самооценок респондентов временной перспективы выбора значимого другого выявил, что общей закономерностью для всех респондентов является выбор значимого человека на длительный период времени – свыше 9 лет.

Таким образом, особенности результативных характеристик выбора значимого другого обусловлены зрелостью и половой дифференциацией выбирающих субъектов. Выраженные различия результативных характеристик проявляются в содержании выбора значимого другого, осуществляемого мужчинами и женщинами. Для «зрелых» и «незрелых» молодых людей значимыми являются социально-демографические характеристики и личностные свойства выбираемого значимого человека. Независимо от зрелости личности для женщин преимущественно значимыми являются ценности индивидуализации выбираемого значимого другого, для мужчин – ценности социализации и индивидуализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айгунов В. Р. Мотивация выбора брачного партнера у молодежи (сравнительный анализ в контексте русской и дагестанской культур): дисс. ... канд. психол. наук. – Москва, 2009. – 203 с.
2. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – 379 с.
3. Гаврилова Е. А. Психологическая характеристика выбора брачного партнера – основа для развития гармоничных отношений в браке // Актуальные вопросы современной психологии: материалы междунар. науч. конф. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 17–22.
4. Джанерьян С. Т., Ращупкина Ю. В. Особенности личностной зрелости городской учащейся молодежи // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2015. – № 1.
5. Джанерьян С. Т. Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский психологический журнал. – 2005. – Т. 2. – № 3. – С. 78–92.
6. Зайцева Л. А. Характеристики и факторы выбора карьеры в связи с индивидуально-психологическими особенностями и этапами профессионального становления субъектов: дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 193 с.
7. Комлев А. А. Жизненный выбор человека: виды и факторы влияния в аспекте возможностей / Мир психологии. – 2004. – № 4. – С. 41–51.

8. *Кормилицин А. В., Рудин И. В., Кочурина Н. А.* Выбор долговременного партнера: концепции биологического и психологического // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6. – С. 112–119.
9. Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского; ред.-сост. Л. А. Карпенко. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 512 с.
10. *Петровский А. В.* Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 7–18.
11. *Ращупкина Ю. В.* Процессуальные характеристики жизненных выборов молодых людей в зависимости от выраженности личностной зрелости // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2015. – № 2.
12. *Щебетова А. Л.* Психологические особенности ситуаций жизненного выбора в среднем возрасте // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2. – № 6. – С. 111–113.
13. *Michael R. T.* Sex in America: a Definitive Survey. – Boston: Little Brown, 1994. – P. 300.
14. *Miller G.* The Mating Mind. How Sexual Choice Shaped the Evolution of Human Nature. – New York: First functor books edition, 2001. – 462 p.

ЛИЧНОСТНЫЙ ПРОФИЛЬ ПЕДАГОГА ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Бакаева И. А.

В статье представлены результаты эмпирического исследования педагогов дистанционного образования. С помощью контент-анализа педагоги были разделены на группы по критериям отношения к самостоятельной деятельности учащихся. Выделены группы по когнитивному, эмоциональному, поведенческому критериям. Исследование личностных сфер педагогов из трех групп, таких как сфера самооотношения и самооценки и сфера межличностных отношений, помогло выявить личностные и межличностные особенности педагогов дистанционного образования, характерные для наиболее эффективных представителей данной группы. Автором описываются личностные особенности педагогов выделенных групп, такие как самооотношение, представления о собственных качествах, самооценка; установлены различия в системе межличностных отношений. Делаются выводы о предрасположенности определенного типа личности педагога к использованию технологий инициации самостоятельной деятельности, в частности дистанционной технологии.

Автор делает вывод о том, что педагоги дистанционного образования делятся на более компетентных в вопросах технологий инициации самостоятельной деятельности учащихся педагогов и менее компетентных. Подчеркивается важность вывода о том, что у респондентов выявлен разный уровень систематичности применения технологий самостоятельной деятельности в практике, что отражается на эффективности работы, в частности – на сохранности контингента учащихся. В статье приводятся общие закономерности личностных профилей всех педагогов дистанционного образования, такие как положительное самооотношение, средние показатели по факторам личностной силы, оценки, низкие значения активности, преобладает направленность на задачу и низкие показатели по шкале «общительность», т. е. выбор дистанционной формы является не случайным фактом в биографии педагогов. Приводятся также описания достоверных различий относительно таких качеств, как требовательность, организованность, сильная воля, энергичность. Теоретические и эмпирические выводы обосновывают идею, что у педагога дистанционного образования преобладает определенный тип личности, причем у более эффективных в этой области педагогов данные личностные черты выражаются более ярко.

Ключевые слова: личностный профиль, дистанционное образование, самостоятельная деятельность, педагоги, компетентность, отношение, эффективность.

Проблема развития и эффективности дистанционного обучения является актуальной в России на протяжении последних пяти–десяти лет. Электронные технологии завоевали прочное место во всех областях жизни, в том числе в образовании. По сравнению с зарубежными странами, где дистанционное обучение в высшей школе, в дополнительном образовании используется очень активно и уже не нуждается в доказательной базе, в нашей стране развитие дистанционных образовательных технологий до сих пор находится на этапе становления и развития. Особенно это касается дистанционного обучения школьников. Практически нет работ, изучающих психолого-педагогические основы дистанционного обучения школьников [1, 7, 10, 14, 16].

Перед учеными и практиками встают следующие проблемы [2, 3, 4, 6]: поиск эффективных технологий реализации дистанционного образования для лиц с разным уровнем онтогенеза, определение факторов готовности педагогов и учащихся к эффективному обучению в процессе дистанционного образования, выявление необходимости и особенностей психологического сопровождения дистанционного образования и др.

В нашем исследовании мы ставили целью изучение отношения педагогов к технологиям инициации самостоятельной деятельности учащихся в дистанционном образовании, а также выявление личностного профиля педагога дистанционного образования, эффективно реализующего технологии самостоятельной деятельности учащихся в дистанционном образовании [9, 15].

Под образовательными технологиями, вслед за Н. В. Бордовской, А. А. Реаном, мы понимаем систему деятельности педагога и учащихся в образовательном процессе, построенную на конкретной идее в соответствии с определенными принципами организации и взаимосвязи целей – содержания методов. В опыте работы школ, вузов и других образовательных систем используются различные виды образовательных технологий [6].

Педагогическая (образовательная) технология есть продуманная во всех деталях модель совместной учебной и педагогической деятельности по проектированию, организации

и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для обучающихся и педагога. Педагогическая технология предполагает реализацию идеи полной управляемости учебного процесса [11].

Тогда технологии инициации самостоятельной деятельности учащихся – это система деятельности педагогов и учащихся в образовательном процессе, построенная с целью развития у учащихся самостоятельной деятельности в соответствии с принципами развития познавательной самостоятельности и использующая определенный набор методов, в частности технологию дистанционного образования [2, 3, 13].

Эмпирическое исследование, излагаемое в данной статье, представляет собой попытку выявить эффективных в развитии самостоятельной деятельности учащихся педагогов и изучить их личностный профиль.

Методы и методики исследования

На первом этапе для дифференциации педагогов дистанционного образования по критерию эффективности работы и их отношению, мы использовали опросник, разработанный И. В. Абакумовой, И. А. Бакаевой, исследующий отношение педагогов к дистанционному обучению учащихся.

Контент-анализ ответов по данному опроснику [4, 5], где основными категориями мы выделили когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты отношения педагогов, выраженные в ответах, позволил выделить группы педагогов. Первая группа «Эксперты»: компетентные в теоретическом обосновании технологий самостоятельной деятельности, положительно относящиеся к данным технологиям, активно использующие технологии инициации самостоятельной деятельности в практике. Вторая группа – «Сомневающиеся» – педагоги также компетентные в теоретическом обосновании технологий самостоятельной деятельности, но при этом амбивалентно относящиеся к использованию данных технологий и соответственно ситуативно использующие их в практике. Третья группа «Скептики» – некомпетентные в теоретическом плане и не использующие технологии самостоятельной деятельности в практике.

Исследование личностных особенностей, самооотношения и самооценки осуществлялось с помощью опросника самооотношения В. В. Столина, С. Р. Пантеева и методики «Личностный дифференциал» [12].

Также нами изучалась межличностная направленность, для чего мы использовали Оценку профессиональной направленности личности учителя (Е. И. Рогов), методику диагностики направленности личности Б. Басса (Опросник Смекала–Кучера).

Исследование проводилось на базе Регионального организационно-методического центра дистанционного образования одаренных детей, который функционирует на базе Областного центра дополнительного образования детей Ростовской области с 2012 г.

В исследовании приняли участие 52 преподавателя РОМЦ ДООД. Из них 81 % – преподаватели вузов, 19 % – педагоги ведущих школ и учреждений дополнительного образования. 68 % имеют ученую степень кандидата и доктора наук. 100 % преподавателей имеют высшее образование.

Возраст исследуемых от 27 лет до 71 года, средний возраст 38 лет. Научно-педагогический стаж исследуемых составляет от 3 до 49 лет. Средний срок педагогического стажа – 15 лет. 44 респондентов – женщины, что составляет 85 % исследуемых, 8 человек – мужчины, т. е. 15 %, соотношение мужчин и женщин составляет 5:1. Эти данные соотносятся с исследованием И. Н. Розиной, проведенном в 2002 г. В нем средний возраст респондентов из США составил 45 лет (возрастной диапазон – от 28 до 52 лет), из России – 34 года (возрастной диапазон – от 23 до 57 лет), причем соотношение мужчин и женщин составило 2:1 (Россия) и 1:4 (США) [6].

Среди респондентов – педагоги различных направлений и предметных дисциплин, условно разделим их по основным отраслям знания, таким как гуманитарные дисциплины – 17 человек, общественные дисциплины – 12 человек, естественнонаучные дисциплины – 23 человека.

Результаты исследования

На основе контент-анализа ответов на опросник, разработанный И. В. Абакумовой, И. А. Бакаевой, исследующий отношение педагогов к дистанционному обучению учащихся, мы

выявили следующее распределение педагогов по группам (таблица 1): 27 человек оказались в группе «Эксперты», 23 – «Сомневающиеся», 2 педагога – «Скептики».

Таблица 1.

Группы педагогов дистанционного образования

Группа	Характеристики группы	Количество респондентов
1.	«Эксперты» Компетентные, положительно относящиеся, активно использующие технологии инициации самостоятельной деятельности	27
2.	«Сомневающиеся» Компетентные, амбивалентно относящиеся, ситуативно использующие технологии инициации самостоятельной деятельности	23
3.	«Скептики» Некомпетентные. Положительно настроенные, не использующие технологии инициации самостоятельной деятельности	2

Большинство респондентов оказались достаточно глубоко компетентными, ориентирующимися в исследуемом вопросе, давали развернутые, аргументированные высказывания относительно самостоятельной деятельности учащихся, перечисляли технологии инициации самостоятельной деятельности, делились опытом использования технологий.

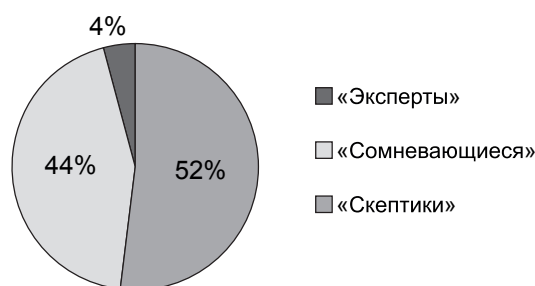

Рисунок 1. Группы педагогов дистанционного образования

Только двое респондентов оказались в группе некомпетентных, в их ответах сквозила очень скудная информация. Такие особенности можно также интерпретировать как закрытую позицию по отношению к исследованию или

экспериментатору. Но в любом случае, для исследования это неинформативная позиция. Мы предполагаем, что данная позиция вызвана либо принципиальными вопросами, связанными с профессиональной позицией педагога, либо защитными механизмами личности педагога. Данную группу мы назвали «Скептики». Педагоги данной группы положительно относятся к самостоятельной деятельности учащихся, но не применяют данный вид работы или скрывают применение данных технологий в своей практике (рисунок 1).

В выявлении отношения исследуемые разделились в группы практически равномерно: так, 60 % компетентных исследуемых относятся к организации самостоятельной деятельности учащихся положительно, 40 – амбивалентно.

Также проявилась тенденция в том, что компетентные испытуемые, амбивалентно относящиеся к организации самостоятельной деятельности, в 69 % случаев высказались, что используют технологии самостоятельной деятельности ситуативно.

Кроме того, мы проанализировали курсы педагогов дистанционного образования на предмет сохранности контингента учащихся, из соображений практической направленности исследования, т. к. проблема сохранения контингента учащихся является одной из наиболее значимых в реальной практике.

Статистический анализ данных по критерию «Сохранение контингента учащихся» показал значимые различия между группами, при $p = 0,01$ (критерий Манна-Уитни – 135). То есть, в группе «Экспертов» сохранность контингента выше, чем в других группах, и составляет в среднем 25 %, в то время как в группе «Стандарт» средняя сохранность 16 %, а в группе «Скептики» – 14 %.

Анализируя объективные факторы, такие как возраст, стаж, наличие ученой степени, делаем вывод, что «Эксперты», т. е. компетентные педагоги, положительно относящиеся и постоянно использующие в практике технологии инициации самостоятельной деятельности учащихся, – это люди более молодые по сравнению со второй группой. Так, в первой группе средний возраст – 36,8 лет. Стаж работы в первой группе также несколько ниже, составляет в среднем 12 лет, что может свидетельствовать

о более низком желании более опытных коллег использовать технологии самостоятельной работы. Ученую степень имеют 78 % педагогов – «экспертов» и только 48 % – педагогов группы «Сомневающиеся» (таблица 2).

Таблица 2.

Объективные показатели в группах педагогов

Группа	Количество респондентов	Стаж	Возраст	Уч. степень
1. «Эксперты»	27	12	36,8	78 %
2. «Сомневающиеся»	23	15	39	48 %
3. «Скептики»	2	29	51	100 %

Если говорить о педагогах «Скептиках», то средний возраст там более старший – 51 год, стаж работы также значимо выше – 29 лет. При этом ученую степень имеют 100 % исследуемых. Это еще раз подтверждает наше предположение о личностном характере отвержения технологий инициации самостоятельной деятельности учащихся (рисунок 2).

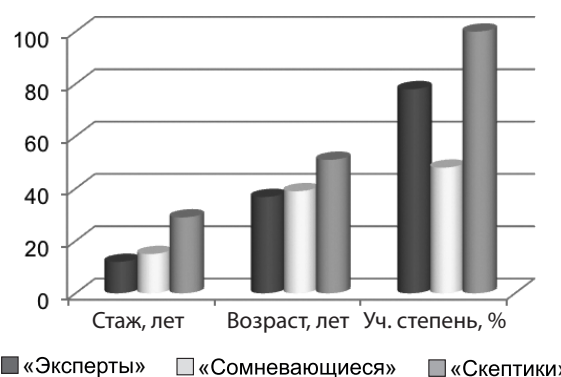

Рисунок 2. Распределение анкетных данных в группах педагогов

Соответственно, можно сделать вывод о том, что применение технологий инициации самостоятельной деятельности более предпочтительно для более молодых педагогов, а также педагогов более высокой квалификации, имеющих ученую степень. В то же время заметим, что проверка значимости различий по данным показателям не нашла статистического подтверждения, т. е. эти различия выявляются в данной конкретной выборке.

Исследование личностных сфер педагогов из трех групп, таких как сфера самоотношения и са-

мооценки, и сфера межличностных отношений, помогло выявить личностные и межличностные особенности педагогов дистанционного образования, характерные для наиболее эффективных представителей данной группы.

Выявили, что достоверных различий по данным шкалам методики «Опросник самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантилеева» не выявлено в статистическом анализе. Тем не менее, возможно проанализировать некоторые тенденции, проявляющиеся по данному фактору.

Так, у педагогов группы «Эксперты» ярко выражены признаки самоуважения (88), аутосимпатии (83), ожидания положительного отношения от других (78), самоинтереса (80), самопринятия (83), самопонимания (90). Не выражен признак самообвинения (32).

У педагогов группы «Сомневающиеся» ярко выражены признаки самоуважения (88), аутосимпатии (83), самоинтереса (80), самопринятия (83), самопонимания (90). Не выражен признак самообвинения (32).

Отличие в тенденции заключается в неярко выраженном ожидании одобрения со стороны других у педагогов второй группы. Это подтверждает предположения о большей гибкости и независимости группы «Сомневающиеся».

В целом, можно говорить о положительном самоотношении педагогов дистанционного образования, что подтверждается и ярко выраженным интегральным фактором самоотношения, и многими ярко выраженными факторами, при этом невыраженным факторе самообвинения.

Это подтверждает теоретические предположения о том, что педагоги, относящиеся положительно к себе, более положительно относятся к учащимся, что в конечном итоге приводит к более эффективному обучению.

Анализ результатов по шкалам «Личностного дифференциала» показывает, что для всех педагогов дистанционного образования более присущ средний уровень проявления фактора личностной силы и оценки, а по фактору активности значения находятся на уровне границы низких значений. Это объясняет предрасположенность данной группы педагогов к дистанционному образованию, которое требует меньшей степени физической и эмоциональной активности, наличия в характере интровертированных черт.

Самооценка педагогами своих личностных черт в общем плане показала, что педагоги «Эксперты» называют более выраженными такие качества, как: «сильный», «добросовестный», «деятельный», «отзывчивый», «энергичный», «дружелюбный», «честный», «самостоятельный».

Педагоги «Сомневающиеся» оценивают себя такими характеристиками, как: «обаятельный», «сильный», «добросовестный», «деятельный», «отзывчивый», «энергичный», «дружелюбный», «честный», «самостоятельный».

Достоверно значимы отличия между группами «Эксперт» и «Сомневающиеся» по факторам «разговорчивый–молчаливый» (статистика Колмогорова–Смирнова –,348), «суетливый–спокойный» (статистика Колмо-

Таблица 3.

Средние значения и величина критерия Манна–Уитни по шкалам методики самоотношения

Группа	Шкала 5 интегральная	Шкала I Самоуважение	Шкала II Аутосимпатия	Шкала III Ожидание положительного отношения от других	Шкала IV самоинтерес	Шкала 1 самоуверенность	Шкала 2 отношение других	Шкала 3 самопринятие	Шкала 4 саморукводство, самопоследовательность	Шкала 5 самообвинение	Шкала 6 самоинтерес	Шкала 7 самопонимание
1. «Эксперты»	90	88	83	78	80	74	73	83	65	32	90	85
2. «Сомневающиеся»	90	85	79	70	85	74	72	77	75	31	81	80
Статистич. Критерий Манна–Уитни	275,000	265,000	256,000	310,000	252,500	296,000	306,500	282,500	217,000	306,000	275,000	265,000

Признак ярко выражен – Признак выражен – Признак не выражен

горова–Смирнова –,395). Оба фактора преобладают во второй группе. То есть, педагоги «Сомневающиеся» более склонны оценивать себя как разговорчивых и суетливых, нежели педагоги «Эксперты». Полученные данные позволяют говорить о том, что педагоги группы «Эксперты» менее открыты, разговорчивы, более упорядочены, направлены на себя, а педагоги «Сомневающиеся» более ориентированы на общение, для них важны качества, необходимые для общения, такие как обаятельность. Но в целом все-таки педагоги дистанционного образования скорее интроверты, нежели экстраверты.

Качественный анализ профессиональной направленности личности учителя (по методике Е. И. Рогова) показал, что педагоги дистанционного образования имеют преимущественную направленность на предмет. Причем в группе педагогов «Эксперт» эта направленность особо выражена по сравнению с другими. У педагогов «Сомневающиеся» направленность на предмет выражена в одинаковой степени с организованностью, интеллигентностью, мотивацией одобрения (таблица 4). То есть, среди педагогов «Экспертов» преобладает тип «предметника», для которого характерны наблюдательность, профессиональная компетентность, стремление к творчеству. Согласно имеющимся связям, велика вероятность существования и промежуточного типа «предметник–организатор», сочетающего в себе характеристики обоих этих типов. Возможно, что его отличием от «пред-

метника» будет более жесткая направленность учащихся на предмет и организация их деятельности именно внутри предметных знаний.

Среди педагогов «Сомневающиеся» нет такой преобладающей модели поведения педагогов, встречаются и «организаторы», и «предметники», и «интеллигенты». Различные направленности представлены более гармонично. То есть вновь проявляется более гибкое поведение, пластичный набор качеств.

Еще одной общей тенденцией являются низкие показатели по шкале «общительность» у всех педагогов дистанционной формы образования, т. е. выбор дистанционной формы является неслучайным фактом в биографии педагогов.

Проведенный статистический анализ показал значимые различия внутри выборки по шкале «организованность» при уровне значимости 0,01, у педагогов группы «Сомневающиеся» организованность развита выше, чем у группы «Эксперт», т. е. преобладают такие качества, как требовательность, организованность, сильная воля, энергичность.

Анализ результатов методики диагностики направленности личности Б. Басса (Опросник Смекала–Кучера) указывает, что у всех педагогов дистанционного образования преобладает направленность на задачу, которая выражается в заинтересованности в решении деловых проблем, выполнении работы как можно лучше, ориентации на деловое сотрудничество, способности отстаивать в интересах

Таблица 4.

**Средние значения по шкалам и статистика критерия Колмогорова–Смирнова по методике
Профессиональная направленность личности учителя (Е. И. Рогова)**

Группы		Шкала общительность	Шкала организованность	Шкала направленность на предмет	Шкала интеллигентность	Шкала мотивация одобрения
1. «Эксперты»		4,259259	5,37037	6,037037	5,666667	5,888889
2. «Сомневающиеся»		4,217391	6,913043	6,043478	6,434783	6,478261
Разности экстремумов	Модуль	,098	,548	,182	,224	,256
	Положительные	,087	,548	,182	,224	,256
	Отрицательные	–,098	,000	–,156	,000	–,074
Статистика Z Колмогорова–Смирнова		,346	1,930	,641	,789	,902
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		1,000	,001	,805	,562	,390
а. Группирующая переменная: группа						

дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели. Наименее выражена у педагогов данной категории направленность на взаимодействие.

Значимых различий между группами статистическая проверка не выявила, т. е. данные выводы справедливы для педагогов дистанционного образования в нашей выборке независимо от группы компетентности.

Корреляционный анализ по шкалам методик Е. И. Рогова и Б. Басса показал, что имеется двухсторонняя обратная связь между показателями по шкале «направленность на предмет» (по методике Е. И. Рогова) и шкалой «направленность на себя» (Б. Басса), при уровне значимости 0,01 (таблица 5). То есть можно предположить, что в опроснике Е. И. Рогова под «направленностью на предмет» подразумеваются некоторые личностные аспекты готовности выполнять определенную деятельность, а не категория межличностных отношений. Также существуют значимые связи между шкалами внутри методики Б. Басса, обратная двухсторонняя связь

между шкалами «направленность на взаимодействие» и «направленность на себя», и обратная двухсторонняя связь между шкалами «направленность на задачу» и «направленность на себя», при уровне значимости 0,01.

Выявлена также обратная двухсторонняя связь между шкалой «интеллигентность» (по методике Е. И. Рогова) и шкалой «направленность на себя» (Б. Басса) при уровне значимости 0,05. Соответственно, мы понимаем, что «интеллигентность» в данном случае рассматривается как характеристика межличностных отношений, как компонент взаимодействия, а не как личностная черта.

И еще одна прямая двухсторонняя зависимость между шкалой «интеллигентность» (по методике Е. И. Рогова) и шкалой «направленность на взаимодействие» (Б. Басса) при уровне значимости 0,05. Что подтверждает предыдущий вывод.

Проанализировав личностный профиль педагогов дистанционного образования, мы увидели, что можно выделить более компетент-

Таблица 5.

Корреляции Пирсона по шкалам методики Е. И. Рогова, Б. Басса

		Рогов_Общительность	Рогов_Организованность	Рогов_Направленность на предмет	Рогов_Интеллигентность	Рогов_Мотивация одобрения	Басс_Направленность на себя	Басс_Направленность на взаимодействие	Басс_Направленность на задачу
Рогов_Общительность	Корреляция Пирсона	1	-,010	,145	-,099	-,112	-,095	,022	,103
	Знч. (2-сторон.)		,948	,314	,493	,440	,510	,882	,476
	N	50	50	50	50	50	50	50	50
Рогов_Организованность	Корреляция Пирсона	-,010	1	,240	,189	,030	-,199	,062	,195
	Знч. (2-сторон.)	,948		,093	,189	,838	,165	,666	,175
	N	50	50	50	50	50	50	50	50
Рогов_Напр. на предмет	Корреляция Пирсона	,145	,240	1	,268	,035	-,366**	,216	,238
	Знч. (2-сторон.)	,314	,093		,059	,807	,009	,132	,096
	N	50	50	50	50	50	50	50	50
Рогов_Интеллиг.	Корреляция Пирсона	-,099	,189	,268	1	,260	-,340*	,351*	,044
	Знч. (2-сторон.)	,493	,189	,059		,068	,016	,012	,761
	N	50	50	50	50	50	50	50	50
Рогов_Мотив_одобр.	Корреляция Пирсона	-,112	,030	,035	,260	1	,216	-,226	-,025
	Знч. (2-сторон.)	,440	,838	,807	,068		,131	,115	,861
	N	50	50	50	50	50	50	50	50
Басс_НС	Корреляция Пирсона	-,095	-,199	-,366**	-,340*	,216	1	-,694**	-,530**
	Знч. (2-сторон.)	,510	,165	,009	,016	,131		,000	,000
	N	50	50	50	50	50	50	50	50
Басс_ВД	Корреляция Пирсона	,022	,062	,216	,351*	-,226	-,694**	1	-,244
	Знч. (2-сторон.)	,882	,666	,132	,012	,115	,000		,088
	N	50	50	50	50	50	50	50	50
Басс_НЗ	Корреляция Пирсона	,103	,195	,238	,044	-,025	-,530**	-,244	1
	Знч. (2-сторон.)	,476	,175	,096	,761	,861	,000	,088	
	N	50	50	50	50	50	50	50	50

** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).

ных в вопросах технологий инициации самостоятельной деятельности учащихся педагогов, и менее компетентных. Педагогов характеризует также разный уровень систематичности применения таких технологий в практике, что отражается на эффективности работы, в частности на сохранности контингента учащихся.

В личностных профилях педагогов дистанционного образования можно выделить общие закономерности, такие как: положительное самоотношение, средние показатели по факторам личностной силы, оценки и низкие значения активности, преобладают направленность на задачу и низкие показатели по шкале «общительность», т. е. выбор дистанционной формы является не случайным фактом в биографии педагогов.

Существуют и достоверные различия: у педагогов группы «Сомневающиеся» организованность развита выше, чем у группы «Эксперты», т. е. преобладают такие качества, как требовательность, организованность, сильная воля, энергичность; также по сравнению с «Экспертами» преобладают факторы «разговорчивый–молчаливый», «суетливый–спокойный».

Эмпирическое исследование подтвердило, что у педагога дистанционного образования преобладает определенный тип личности, причем у более эффективных в этой области педагогов данные личностные черты выражаются более ярко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Фоменко В. Т., Гриднева С. В., Звездина Г. П., Тащёва А. И., Юшко Г. Н. Управляемое самостоятельное обучение в условиях современного университета: теоретические аспекты и практические рекомендации: практико-ориентированная монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. – 400 с.
2. Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц. Технологии направленной трансляции смыслов в обучении // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 56–64.
3. Абакумова И. В. Смыслообразование в учебном процессе: дисс. ... докт. псих. наук. – Ростов н/Д, 2003. – 480 с.
4. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ // URL.: <http://www.knorus.ru/upload/pdf/228983.pdf>
5. Богомолова Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
6. Бордовская Н. В., Реан А. А. Педагогика. Учебник для вузов. – СПб: Питер, 2000. – 304 с.
7. Воловоденко А. С. Формирование компетенции старшеклассников профильной школы в самостоятельной учебной деятельности на основе мультимедиакомплекса: автореферат ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 2010.
8. Гузев В. В. Образовательная технология: от приема до философии. – М.: Сентябрь, 1996. – 112 с.
9. Иванова С. П. Учитель XXI в.: ноопсихологический подход к анализу профессионально-личностной готовности к педагогической деятельности. – Псков: Изд-во ПГПИ им. С. М. Кирова, 2002. – 228 с.
10. Розина И. Н. Дистанционные и открытые формы обучения: организационные и методологические вопросы // Образовательные технологии и общество. – 2002. – Т. 5. – № 1. – С. 244–263.
11. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998.
12. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.
13. Фоменко В. Т., Абакумова И. В., Тельнова О. В. Развивающая модель содержания обучения в общем образовании // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 4. – С. 7–14.
14. Anson W. Effects of teaching self-monitoring in a distance learning course: Diss. PhD. – University of Southern California, USA, 2004.
15. Stosic L., Stosic I. Diffusion of innovation in modern school // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). – 2013. – 1 (1). – 5.
16. Tutorial teaching / Oxford learning institute // URL: <https://www.learning.ox.ac.uk/>

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ефименко С. В.

В данной статье речь идет о развитии эмоционально-волевой сферы студентов на занятиях по иностранному языку в вузе. Особое внимание уделяется тому, как средствами иностранного языка можно формировать высшие чувства студентов, такие как: нравственные, интеллектуальные, эстетические. Различного рода коммуникативные практики, основанные на высоконравственном содержании учебных текстов, будут прививать интерес к изучению иностранного языка и развивать эмоциональную устойчивость студентов. В текстах, которые используются на занятиях по иностранному языку в вузе, должно выражаться отношение человека к людям, к обществу, к своим обязанностям, к самому себе. Внушение студентам уверенности в своих силах способствует формированию волевых качеств личности. Но прежде всего сама организация учебного процесса на занятиях по иностранному языку в вузе должна способствовать развитию волевых качеств личности и стимулировать их саморегуляцию.

В статье также описаны технологии воспитания высших чувств при изучении иностранного языка в вузе. К ним относят: формирование эмоционального опыта, необходимого в будущей профессиональной деятельности; предоставление студентам достаточной самостоятельности в учебной и общественной деятельности; внимательное отношение и уважение к студенту со стороны преподавателя и др. В статье также определены методы формирования волевых качеств у студентов на занятиях по иностранному языку в вузе. Наиболее значимыми, по мнению автора, являются следующие: формирование навыков преодоления возникающих трудностей; стимулирование положительного отношения студентов к учебе, будущей профессии; систематическое накопление опыта деятельности, требующей волевых усилий и др. В процессе целенаправленного педагогического воздействия при обучении иностранному языку в вузе у студентов формируются определенные качества личности. К этим качествам следует отнести: чувство личной ответственности за свое поведение; умение управлять собой, сохранять самоконтроль в трудных ситуациях; навыки соблюдения установленного порядка и многие другие.

Ключевые слова: эмоции, высшие чувства, волевые качества, волевая регуляция, познавательная деятельность, личностные ценности, творческая деятельность, компетентность, инициативность, саморегуляция действий.

Интенсификация учебной деятельности в современном обществе, как и усложнение процессов социальной жизни, приводит к повышению уровня психоэмоционального напряжения, к трудностям в саморегуляции, адаптации, сотрудничестве, общении, в конечном счете – к дезинтеграции жизненных сил и снижению психологического здоровья студентов.

Л. С. Выготский, И. С. Кон, И. Ю. Кулагина, В. И. Моросанова, Х. Ремшмидт, И. В. Шаповаленко, Д. Б. Эльконин рассматривают юность как психологический возраст перехода к самостоятельности, период самоопределения, формирования мировоззрения, морального сознания и самосознания, как сензитивный период для развития эмоциональной устойчивости и саморегуляции произвольной активности. Анализ работ названных ученых позволяет выделить периоды ранней юности: 15–17 лет (старшеклассники) и поздней юности: 17–21 год (студенты) [2].

На фоне указанных общих тенденций социально-возрастного становления молодых людей каждый из них отличается от другого своими природными свойствами (способностями) и своими характеристиками как личности: личным опытом (у каждого он свой), контекстом деятельности (у каждого свой набор деятельностей, которыми он занимается и которые являются основой его взаимоотношений с другими людьми), набором определенных чувств и эмоций (у одного есть чувство гордости за свой город, у другого нет), своими интересами, своим статусом (положением) в коллективе (группе), и в том числе умением осуществлять учебную и речевую деятельность в процессе изучения иностранного языка.

В процессе нашей работы и исследования мы изучаем особенности развития и регуляции эмоционально-волевой сферы студентов, т. к. они являются одним из механизмов овладения ими иностранным языком.

В педагогической психологии эмоции рассматриваются как особый класс субъективных психических состояний человека, отражающихся в форме непосредственных переживаний отношения человека к предметам, явлениям, ситуациям окружающего мира и к другим людям.

Существует две точки зрения на роль эмоций:

- 1) эмоции действуют на человека дезорганизуя, т. е. нарушают его деятельность и поведение;
- 2) эмоции действуют на человека стимулируя, т. е. эмоции выступают как мотив поведения [14].

В педагогической психологии определяются признаки эмоций, по которым можно установить их роль в поведении и деятельности человека:

- эмоции специфически отражают действительность в виде переживаний (личностно-значимое отношение к окружающему миру);
- они носят предметный характер, т. е. всегда относятся к предмету, объекту;
- связаны с потребностями человека, т. е. в эмоциях отражается то, как удовлетворяется потребность;
- характеризуются полярностью, т. е. обладают положительным и отрицательным знаком, но в сложных эмоциях могут присутствовать оба полюса => амбивалентные эмоции;
- сопровождаются физиологическими изменениями – эмоции и физиология организма тесно связаны [15].

В связи с этим обратим внимание на функции эмоций:

- 1) приспособительская – эмоции помогают человеку ориентироваться в окружающем мире;
- 2) оценочная – ситуация и восприятие одного и того же явления могут рассматриваться с разной оценкой;
- 3) побуждающая – возникновение/прекращение деятельности;
- 4) интегративно-защитная – позволяет адекватно отреагировать на то или иное воздействие;
- 5) коммуникативная – позволяет лучше устанавливать контакты;
- 6) эвристическая – эмоции тесно связаны с интеллектуальной деятельностью человека, помогают предположить развитие событий [7].

Эмоции тесно связаны с чувствами.

Чувства – это особая форма отражения психикой окружающего мира, проявляющаяся в социально-обусловленных переживаниях, активизирующих или тормозящих деятель-

ность.

Отличия эмоций от чувств состоят в том, что:

1. Эмоции биологически обусловлены, чувства – социально обусловлены.
2. Эмоции носят ситуативный характер и выражают оценку личностью определенной ситуации (которая связана с удовлетворением потребности человека в данный момент), а чувства – устойчивое образование.
3. Эмоции носят поверхностный характер, а чувства – глубинный.
4. Эмоции – более простое переживание, а чувства более сложное, т. к. чувства возникают как обобщение многих эмоций.

Особенности чувств:

- 1) их полярность, что дает основание для их деления на положительные и отрицательные;
- 2) амбивалентность, т. е. их двойственный характер (и положительные, и отрицательные);
- 3) на протекание эмоций и чувств влияет 2-я сигнальная система, т. е. переживания могут возникнуть не только при непосредственном воздействии явлений, предметов (1-я сигнальная система), но и могут быть вызваны словами, с помощью деятельности 2-й сигнальной системы – эмоции и чувства становятся осознанными, приобретают общественный характер. Лишь при деятельности 2-й сигнальной системы возможно формирование сложных чувств;
- 4) интегральность чувств, т. е. исключительность по отношению к другим состояниям [14].

Специалисты в области педагогической психологии отмечают, что высшие чувства присущи только человеку, они тесно связаны с его личностью, с отношением к людям, к жизни, с убеждениями и взглядами.

Выделяют 3 вида высших чувств: нравственные, интеллектуальные, эстетические.

Нравственные чувства в форме переживаний выражают отношение человека к людям, к обществу, к своим обязанностям, к самому себе. Они складываются и изменяются в процессе исторического развития общества в зависимости от его традиций, обычаев, религий. К ним относят: любовь, патриотизм, чувство долга, дружбу, ненависть, стыд, злорадство.

Интеллектуальные чувства возникают в процессе умственной деятельности и связаны с познавательными процессами и творчеством. Могут быть очень сильными. К ним относятся: жажда знаний, любознательность, чувство удивления, сомнения, цинизм (издевка, насмешка, основанная на чувстве озлобленности против всего, что лучше), сарказм (язвительная насмешка), ирония (тонкая насмешка, критичная по отношению к миру, людям, себе), чувство комического.

Эстетические чувства представляют собой отношение человека к прекрасному в природе, в жизни людей. Они проявляются в художественных оценках и вкусах, которые зависят от эстетических предпочтений. Включают в себя чувство прекрасного, любовь к красоте, восхищение произведениями искусства.

В процессе изучения иностранного языка необходимо целенаправленно формировать у студентов высшие чувства (нравственные, интеллектуальные, эстетические). В этом у нас нет сомнения, т. к. в вузе осуществляется подготовка не только специалистов-профессионалов, но и человека с высоким уровнем духовно-нравственной культуры.

На занятиях по иностранному языку в вузе необходимо формировать положительные эмоциональные состояния у студентов, т. е. прививать интерес к изучению иностранного языка, избегать стрессовых ситуаций. Формирование высших чувств (нравственных, интеллектуальных, эстетических) будет способствовать эмоциональной устойчивости и проявлению активности при решении коммуникативных учебно-профессиональных задач. Организация учебного процесса при изучении иностранного языка должна развивать волевые качества личности студента, стимулировать саморегуляцию его поведения и обеспечивать высокую дисциплину.

В процессе развития высших чувств особое значение имеет формирование волевых качеств личности. Воля, по мнению Аристотеля, – это способность души соединять разумное решение о необходимости действия со стремлением к нему, т. е. придавать разумному решению побудительность. Особенность волевых действий заключается в том, что они признаются субъектом как обязательные к исполнению

действия, но лишённые достаточного побуждения к ним [4].

Волевая регуляция (самодетерминация поведения как регуляция побуждения к действиям, и самоконтроль как регуляция эмоций и состояний) представляет собой *особую осознанную активность человека, имеющую свой собственный мотив (ради чего исполнить действие с дефицитом побуждения?), свои способы и средства осуществления* [4].

Таковыми мотивами являются личностные ценности человека, которые определяют отношение личности к поставленным или принятым ею целям, меняют смысл принимаемых к исполнению действий и тем самым придают им дополнительное побуждение. Смысл действия, который можно изменить разными способами, является психологическим механизмом, переносящим побудительность с мотива на цель.

По своей природе волевая регуляция есть произвольная саморегуляция личностного уровня с личностными средствами ее осуществления. Волевая регуляция предполагает дополнительное энергетическое обеспечение (которое не беспредельно) исполняемых действий через мобилизацию физических и психических возможностей индивида как исполнителя волевого действия, что и переживается субъектом как волевое усилие (с физическими и психическими компонентами в виде осознаваемой концентрации внимания, на что обращал внимание М. Я. Басов).

Опираясь на указанные положения о роли эмоций, чувств и волевых усилий в развитии личности, мы определяем технологии воспитания высших чувств в процессе обучения в вузе при изучении иностранного языка.

1. Необходимо учитывать, какой эмоциональный опыт нужен для успеха в будущей профессиональной деятельности студентов. Уже начало практической работы по окончании вуза вызывает у них перестройку эмоциональной сферы. Адаптация иногда проходит очень тяжело. Поэтому и необходим эмоциональный опыт, максимально приближенный к требованиям практической работы специалистов, что достигается соответствующей организацией учебно-воспитательного процесса на занятиях по иностранному языку в вузе (обсуждение тек-

стов по специальности, ролевые игры, анализ учебных практик на предприятии и т. д.).

2. Объем знаний может расти сравнительно быстро, а чувства изменяются медленно. Чтобы предупредить такой разрыв, надо передавать знания образно, эмоционально, убедительно, приводить на занятиях такие факты и примеры, которые вызвали бы горячий отклик, активизируя именно те чувства, которые необходимо воспитать.

3. Важно также предоставлять студентам в учебной и общественной деятельности достаточную самостоятельность, чтобы они могли в полной мере проявить интеллектуальные способности, наиболее эффективно использовать полученные знания, участвуя в научном творчестве.

4. Важны здесь и повседневные взаимоотношения, как между студентами, так и между ними и преподавателями. В общении тех и других проявляются разнообразные эмоции и чувства. Внимательное отношение и уважение к студенту со стороны преподавателя побуждают его лучшие качества, повышают эмоциональную восприимчивость к замечаниям и указаниям, к воспитательным воздействиям. И наоборот, равнодушие, высокомерие преподавателя могут вызвать у студента его неприятие. Недопустимо запугивание студента, которое унижает его достоинство, лишает уверенности в своих силах.

5. Одним из путей развития эмоциональной сферы личности является самовоспитание, работа над собой. Правильная оценка своих поступков благоприятно сказывается на деятельности студента: повышает ответственность за результаты работы, уверенность в себе. Соблюдая такт, следует стимулировать у студентов стремление к самосовершенствованию. Одним из средств, стимулирующих работу студентов над собой, является регулярное проведение работ над ошибками после проведенных контрольных работ.

6. Основной целью обучения иностранному языку в неязыковом вузе является формирование коммуникативной компетенции в говорении. Если процесс обучения говорению на иностранном языке будет интересным для обучающихся, то это приведет к более высокой результативности в обучении. Общение между

студентами и преподавателем на занятиях по иностранному языку должно проходить на основе совместной творческой деятельности. Для этого необходимо создание преподавателем коммуникативной, творческой атмосферы на занятиях. Это будет проходить через процесс идентификации, т. е. отождествления учащихся с преподавателем.

7. Поскольку само по себе общение носит творческий, эвристический характер, то и обучать ему нужно в условиях эвристичности, т. е. в различных динамичных (постоянно изменяющихся) ситуациях, в которых возможен различный набор речевых функций и их различных сочетаний. Большая повторяемость речевых функций приведет к большей повторяемости речевых форм и прочности усвоения речевого материала.

8. На старших курсах процесс обучения иностранному языку приближается к процессу профессионального общения, которое тесно взаимосвязано с основной профессиональной деятельностью. В профессиональной деятельности будущих инженеров и экономистов можно выделить следующие ситуации общения: интервью, консультации, переговоры, совещания, дискуссии, презентации. Выполнение творческих упражнений снижает также языковой барьер, закрепляет грамматический и лексический материал, активизирует деятельность студента на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе.

9. Важно учитывать индивидуальность каждого из студентов. Известно, что трудность в обучении устной иноязычной речи заключается в отсутствии речевого партнерства, без которого не может быть обучения общению (и тем более эффективного обучения). Коммуникативность поведения преподавателя и учащихся есть предпосылка создания условий для речевого партнерства. Преподаватель иностранного языка должен быть максимально компетентным во владении иностранным языком и в профессионально ориентированном общении (инженерный и экономический профиль), т. к. речь идет о преподавании иностранного языка в неязыковом вузе [10].

В целом такое обучение стимулирует интерес к будущей профессии, формирует положительное отношение к познавательной деятельности,

способствует повышению культуры общения, развитию личности специалиста.

Волевая регуляция действий через волевое усилие происходит, как правило, в новых и неожиданных ситуациях для человека, что можно обозначить как ситуативную или эпизодическую волевую регуляцию. В часто повторяющихся ситуациях конфликта уровней человек использует еще один механизм волевой регуляции, опирающийся на мотивационные привычки. За этими привычками стоят устойчивые отношения личности к данным ситуациям (смысловой опыт как установка к действию на основе прочных личностных ценностей), которые проявляются в деятельности в виде волевых качеств человека, хорошо владеющего навыками исполняемых действий. В схожих ситуациях на основе личностных ценностей создаются мотивационные, т. е. смысловые (личностные – А. В. Запорожец), установки к определенному поведению и способам действия, проявляющиеся в поведении как волевые качества личности [3].

Из этого следует, что за волевыми качествами скрываются отношения человека как личности к себе, своей деятельности, к другим людям и обществу. Эти отношения представлены человеку как его личностные ценности, ради которых личность осуществляет волевую регуляцию деятельности, психических процессов и состояний, обслуживающих ее. Другими словами, за волевыми качествами стоят смысловые установки личности, снимающие необходимость в дополнительной ситуативной сознательной саморегуляции действий.

Волевые качества студентов – одни из важных психологических предпосылок успешного преодоления ими возникающих трудностей, особенно на первых курсах, сохранения должной работоспособности и достижения высокой успеваемости. Волевыми качествами студентов являются: целеустремленность, самообладание и выдержка, дисциплинированность, настойчивость, смелость, инициативность, решительность и самостоятельность. Волевые качества человека взаимосвязаны, дополняют (как правило, усиливают) друг друга. Они формируют его эмоционально-волевою устойчивостью: неподверженность отрицательным влияниям (внешним и внутренним), сохранение активности в любой ситуации. Прочность

и уровень волевых качеств студента зависят от его внутренних установок и содержания деятельности.

Формировать волевые качества студентов на занятиях по иностранному языку в вузе необходимо следующим образом:

- закрепление положительной мотивации к изучению иностранного языка в вузе;
- формирование навыков преодоления возникающих трудностей;
- четкая постановка задач;
- систематическое накопление опыта деятельности, требующей волевых усилий;
- анализ причин неудач, что вызывает у студента стремление к преодолению трудностей;
- внушать студентам уверенность в своих силах, показывать, что у них есть все возможности добиться успеха;
- стимулировать целенаправленное самовоспитание воли, которое должно основываться на положительном отношении студентов к учебе, будущей профессии, на понимание ими значимости волевых качеств.

В процессе направленного педагогического воздействия у студентов формируются:

- положительное отношение к своим обязанностям;
- чувство личной ответственности за свое поведение;
- умение управлять собой, сохранять самоконтроль в трудных ситуациях;
- навыки соблюдения установленного порядка;
- самооценка поведения с точки зрения степени его соответствия требованиям общества и принципам нравственности;
- умение мобилизовать свои силы и способности в соответствии с решаемой задачей [9].

При изучении иностранного языка мы используем тексты, в которых выражается отношение человека к людям, к обществу, к своим обязанностям, к самому себе. Раскрываем такие понятия, как: любовь, патриотизм, чувство долга, дружба, ответственность, творчество и др. Сегодня уже недостаточно простой исполнительности. Все более возрастает значение таких деловых качеств, как *компетентность и инициативность, готовность брать от-*

ветственность на себя, умение доводить до конца начатое дело.

Студенты используют ресурс вариативных моделей коммуникативных практик: диалог, погружение в виртуальную реальность, разноплановую творческую деятельность.

Таким образом, в системе высшего профессионального образования создаются условия для воспитания специалистов, способных к духовному осмыслению мира и своего места в нем путем коммуникативных взаимодействий в процессе изучения иностранного языка.

Успех преподавателя во многом зависит от того, насколько глубоко он анализирует социально-психологические изменения, происходящие в студенческом коллективе, как сочетает методы убеждения и принуждения, организует свою деятельность. Преподавателю нужно учитывать, что то или иное поведение студента обусловлено созданием им идеального образа действий, непосредственной целью и мотивом. Желания, стремления, а также идеалы, взгляды, интересы – все это внутренние побудители активности, проявляющиеся в действиях и поступках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл, 2007. – 478 с.
2. Барабанов Д. Д. Развитие волевой регуляции студентов: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2014. – 41 с.
3. Запорожец А. В. Изб. психол. тр.: В 2 т., Т II. Развитие произвольных движений. – М.: Педагогика, 1986. – 296 с.
4. Иванников В. А., Барабанов Д. Д., Монроз А. В., Шляпников В. Н., Эйдемман Е. В. Место «Воля» в современной психологии // Вопросы психологии. – 2014. – № 2. – С. 15–23.
5. Иванников В. А. Воля: миф или реальность? // Вестник Московского университета. – Серия 14. Психология. – 1993. – № 2. – С. 70–73.
6. Иванова Л. Н. Эмоциональная саморегуляция будущего учителя в процессе подготовки к профессиональной деятельности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Минск, 2001. – 18 с.

7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. – СПб., 2001. – 752 с.
8. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М., 2005. – 287 с.
9. Леонтьев А. А. Психология общения. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
10. Макара Л. В. Обучение профессионально-ориентированному общению на английском языке студентов неязыкового вуза: дисс. ... канд. пед. наук. – СПб., 2000. – 257 с.
11. Петровский А. В. Психология развивающейся личности. – М.: Педагогика, 1987. – 158 с.
12. Пряжников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. – Воронеж, 1997. – 392 с.
13. Решетова З. А. Психологические основы профессионального обучения. – М., 1985. – 207 с.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 713 с.
15. Сорокина Я. В. Эмоционально-волевая регуляция активности в учебной деятельности студентов вуза: автореф. дисс.... канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2012. – 29 с.
16. Якунин В. А. Педагогическая психология. – СПб.: Полиус, 1998. – 639 с.
17. Ausubel D. A. Educational psychology: a cognitive view. – New York: Holt, Rhinehart & Winston, 1999. – 182 p.
18. Bejarano Y. A cooperative small-group methodology in the language classroom // TESOL Quarterly. – 1987. – 21 (3). – pp. 483–504.
19. Betterich D. Bright Ideas. – USIA, 1992. – 64 p.
20. Hofmann W., Schmeichel B. J., Baddeley A. D. Executive functions and self-regulation // Trends in Cogn. Sci. – 2012. – V. 16 (3). – pp. 173–180.

ВЛИЯНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ

Лукин С. Л.
Пономарев В. П.

В данной статье рассматривается проблема влияния профессиональной, национальной и религиозной принадлежности индивида на особенности его правосознания. Авторы понимают правосознание как совокупность взглядов, ценностных ориентаций, выражающих личностные установки, актуализирующие отношения людей к конкретным законам и к правосудию в целом. С их точки зрения правосознание не просто включает знание действующего права, его принципов и требований, окрашенных определенным оценочным отношением (по принципу хорошо–плохо), но и обязательно отражает уровень личностной «пристрастности» к правовой регламентации своей собственной жизни, отражает уровень насыщенности личностным смыслом тех аспектов поведения, которые регулируются существующими правовыми нормами. В статье дана характеристика уровней развития правосознания по критерию смысловой насыщенности.

Проведенное эмпирическое исследование (анкетирование, психометрическая диагностика) позволило выявить, как профессиональная направленность и этноконфессиональная отнесенность студентов влияют на специфику их правосознания. Было выявлено, что существует устойчивая связь между отсутствием веры (когда студент рефлексировал и оценивал себя как неверующего в Бога, и как не принадлежащего ни к одной из религий или религиозных течений) и отношением к праву. Для людей, которые позиционируют себя как атеисты, характерна нигилистическая жизненная стратегия (неверие в позитивные изменения), и в их ответах наиболее явно прослеживаются элементы правового нигилизма, как неверия в то, что правовые нормы жизни будут совершенствоваться по мере развития общества (имеется в виду не развитие самих законов, а признание этих законов личностной ценностью каждым конкретным человеком). Этноконфессиональное сравнение выявило, что наиболее позитивное отношение как вера в то, что закон реально регламентирует нормы жизни, характерна для мусульман, далее (по степени выраженности оптимизма) идут православные, затем иудеи, и на последнем месте в этой иерархии оказываются атеисты, которые показали наиболее высокий уровень правового нигилизма.

Ключевые слова: правосознание, профессиональная направленность, этноконфессиональная принадлежность, смысловая сфера, ценности, смысложизненные ориентации, поведенческие стратегии.

Правосознание рассматривается как совокупность взглядов, ценностных ориентаций, выражающих личностные установки, актуализирующие отношения людей к конкретным законам и к правосудию в целом. По сути, это вера человека в то, что законодательная система, позиционируемая государством как система определенных прав и обязанностей человека по отношению к обществу, государству, окружающим людям, является его личностной ценностью и основанием для определенных стратегий поведения [2, 3, 4]. Правосознание, которое зачастую в научной литературе определяют как форму общественного сознания, в реальности обобщает представление конкретного человека о том, что является законным, а что нет и, по сути, является его индивидуальным, личностным смыслом, раскрывающимся при осознании правовых основ существования в реальном жизненном мире. В традиционных учебниках по общей и юридической психологии, чаще всего при определении психологической составляющей правосознания, говорится, что психологическую основу этой области сознания составляют привычки, чувства, эмоции людей в отношении правовых явлений [3, 4, 6]. Однако такая трактовка не соответствует современным психологическим интерпретациям, в частности теории смысла и смыслообразования. С точки зрения именно этого современного научного подхода, правосознание не просто включает знание действующего права, его принципов и требований, окрашенных определенным оценочным отношением (по принципу хорошо–плохо), но и обязательно отражает уровень личностной «пристрастности» к правовой регламентации своей собственной жизни, отражает уровень насыщенности личностным смыслом тех аспектов поведения, которые регулируются существующими правовыми нормами. Конституция, законодательство страны, правовые акты и нормативы есть не просто совокупность значений, которые человек постигает на протяжении всего жизненного пути, они потенциально являются внеличностными формами существования смысла как интенции к тому, что индивид может в процессе постижения их содержания раскрыть «смысл для себя», переводя его из потенциальной в актуализированную зону познаваемого [1, 6, 7, 8].

Несмотря на большое количество работ и многоаспектный характер исследований правосознания, в настоящий период наблюдается очевидный дефицит работ, которые бы выявляли особенности правосознания, связанные с определенным национальным, конфессиональным или профессиональным статусом человека. Психологические составляющие правосознания людей разной этноконфессиональной и профессиональной принадлежности в современной гуманитарной науке нуждаются в детализированном осмыслении. С этой целью было проведено эмпирическое исследование, состоящее из анкетирования и психометрической диагностики. В качестве основных групп сравнения здесь выступили три этноконфессиональные группы: славяне (православные), мусульмане (проживающие в ЮФО и СКФО, регион Северного Кавказа), евреи (иудеи), атеисты (среди атеистов были славяне и евреи, но не было мусульман, все атеисты были юношами) [7, 8]. Всего – 164 студента в возрасте от 18 до 23 лет.

На первом этапе исследования была проведена авторская анкета, которая выявляла уровень оценочного отношения (смысловую насыщенность) к нормам права и законодательству.

В результате проведенного анкетирования (контент-анализ ответов респондентов) были выявлены уровни развития правосознания у студентов разной профессиональной направленности. Получены следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1.

Уровни развития правосознания у студентов разной профессиональной направленности

№	Специальность	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1.	Физики	12 %	88 %	-
2.	Биологи	15 %	74 %	11 %
3.	Филологи	-	63 %	37 %
4.	Психологи	7 %	61 %	32 %
5.	Юристы	-	74 %	26 %

Представители естественнонаучных специальностей относятся к праву и законодательству более отчужденно, чем гуманитарии, которые при интерпретации вопросов, свя-

занных с этими областями жизни, в большей степени наделяют их определенным ценностным отношением. Почти треть филологов и психологов считает, что правосознание является важнейшей составляющей не только для регламентации взаимодействия человека с окружающими, но и для рефлексии самого себя как носителя духовно-нравственных черт. В их представлении право неразрывно связано с моралью и зачастую является социальным ориентиром для человека при оценке и понимании сущности тех или иных событий. Будущие профессиональные юристы в меньшей степени склонны к трактовке права как нравственного регулятора поведения человека. При этом, они, в отличие от других специальностей, рассматривают законодательство не как совокупность неизменно-устойчивых положений, определяющих нравственные устои общественных взаимоотношений, а как нечто динамически развивающееся, то, что не просто отражает изменения, происходящие в жизни общества и государства, но и может существенно влиять на специфику формирования общественных приоритетов. Определяя свое отношение к праву как определенной ценности, они главным образом выделяют его значимость не столько для себя лично, сколько рефлексировать его ценность как межличностную форму существования смысла в контексте культуры и общественных норм жизни общества.

Были выявлены незначительные различия между юристами и не юристами при оценке перспектив совершенствования законодательства. В ситуации оценки законодательных перспектив не юристы дали более оптимистичные ответы,

они в большей степени верят в то, что в будущем законодательство будет более совершенным.

Был проведен сравнительный анализ ответов по конкретным вопросам разработанной анкеты (рисунок 1).

Из приведенных групп сравнения наиболее низкие результаты (с точки зрения ценностного отношения к правовым нормам поведения) показала студенческая группа не юристов. Именно им в наибольшей степени свойственны те особенности, которые можно расценивать как элементы правового нигилизма, как неверия в то, что законы и правопорядок могут являться личностной ценностью. Термин «нигилизм» произошел от латинского слова «nihil», которое означает «ничто», «ничего». Это одна из форм мироощущения и социального поведения. Нигилизм выражает отрицательное отношение человека или социальной группы к определенным нормам, ценностям, идеям, теориям. Истоки подобного отношения к праву коренятся в недоверии к власти, в рассмотрении закона как указания, приказа со стороны государства, в безнаказанности должностных лиц, в расхождении предписаний законов и действительности, в пороках правосудия и т. д. Этому во многом способствуют несовершенство и противоречивость законодательства, неспособность власти обуздать преступность, гарантировать гражданам их права и защитить от произвола и т. д. Выявление и изучение этого явления – очень важная задача не только юридических отраслей науки, но и психолого-педагогического направления. Этот показатель свидетельствует, что в студенческой среде необходимо проводить направленную работу

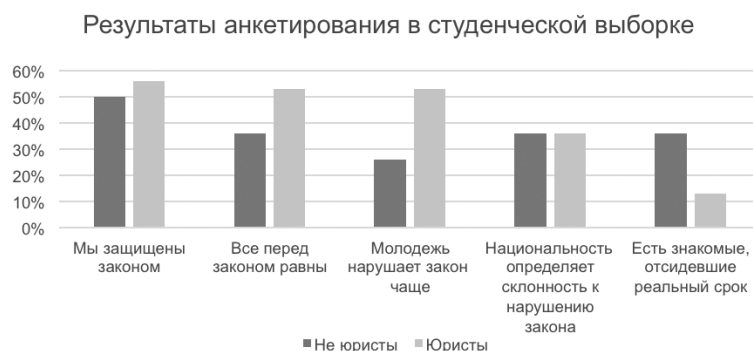

Рисунок 1. Результаты анкетирования при оценке перспектив совершенствования законодательства у студентов – юристов и не юристов

по развитию позитивного отношения к праву и законодательству.

Этноконфессиональное сравнение выявило, что наиболее позитивное отношение как вера в то, что закон реально регламентирует нормы жизни, характерно для мусульман, далее (по степени выраженности оптимизма) идут православные, затем иудеи и на последнем месте в этой иерархии оказываются атеисты, которые в ответах на поставленные в анкете вопросы проявляют наиболее высокий уровень правового нигилизма.

В ответе на вопрос «Наши дети будут жить лучше нас» были показаны следующие результаты:

Мусульмане – 89 %, православные – 76 %, иудеи – 82 %, атеисты – 43 %.

Математически подтверждено, что существует устойчивая связь между отсутствием веры (когда человек рефлексировал и оценивает себя как неверующего в Бога, и как не принадлежащего себя ни к одной из религий или религиозных течений) и отношением к праву. Для людей, которые позиционируют себя как атеисты, характерна нигилистическая жизненная стратегия (неверие в позитивные изменения), и в их ответах наиболее явно прослеживаются элементы правового нигилизма как неверия в то, что правовые нормы жизни будут совершенствоваться по мере развития общества (имеется в виду не развитие самих законов, а признание этих законов личностной ценностью каждым конкретным человеком). В отличие от всех других респондентов, мусульмане в большей степени считают, что уровень правосознания зависит от возраста и от национальной принадлежности человека. Они обосновывают это тем, что более мудрый (более взрослый человек) лучше понимает суть права и законов, меньше подвержен чужому влиянию и, следовательно, ему легче вести себя правильно, и уровень его правосознания будет выше. Именно мусульмане, в отличие от представителей других этносов, считают, что религия влияет на особенности правосознания людей. По их мнению, высказанному в анкетах, ислам во многом регламентирует поведение людей, и представителям этой веры проще, чем другим, вести себя в соответствии с нормами права и закона (главное, чтобы законы светские

не входили в противоречие с требованием веры).

На втором этапе эмпирического исследования был проведен тест-анкета, предложенный Л. А. Ясюковой (НИИКСИ СПбГУ). Эта анкета позволила оценить общую сформированность правосознания в три относительно самостоятельные сферы его функционирования: бытовую, профессионально-деловую и социально-гражданскую. Бытовое правосознание оказалось более высоким у славян и иудеев (соответственно 86 % и 73 %), они в большей степени ориентированы на применение норм права в бытовой жизни, чем у мусульман и атеистов. Профессионально-деловое правосознание у всех групп примерно одинаковое (у юристов, независимо от этноконфессиональной принадлежности, выше, чем у всех остальных). При подсчете баллов по социально-гражданской активности как компонента в развитии правосознания, выяснилось, что наиболее высокий уровень характерен для мусульман (более 80 % от общей выборки, независимо от возраста), далее идут иудеи (более 65 % от общей выборки), затем православные и далее атеисты.

На третьем этапе была использована целая батарея тестов:

- опросник «Индекс жизненного стиля», разработанный Р. Плутчиком с соавторами, адаптированный и рестандартизированный Л. Р. Гребенниковым;
- опросник способов совладания (адаптация методики WCQ);
- «Тест смысловых ориентаций» Д. А. Леонтьева (СЖО);
- методика «Ценностные регуляторы организационного поведения» Т. С. Кабаченко (ЦРОП);
- методика «Стратегии самоутверждения личности» (Е. П. Никитин, Н. Е. Харламенкова);
- методика «Способность самоуправления» (тест ССУ) Н. М. Пейсахова.

Анализ результатов выявил следующее. Были выявлены наиболее проявляющиеся копинги у лиц с высоким уровнем развития правосознания по уровню смысловой насыщенности. Были получены следующие результаты:

- конфронтативный копинг, который характеризуется агрессивными усилиями для изменения ситуации, предполагает опре-

деленную степень враждебности и готовности к риску, больше всего был выявлен у студентов-мусульман;

- самоконтроль, или усилия по регулированию своих чувств и действий, в большей степени характерен для иудеев и православных;
- у атеистов стратегия самоутверждения проявляется в конфронтационной установке по отношению к группе, в поиске сильного лидера, стремлении позиционировать альтернативные оценки и позиции. У представителей данной группы доминирует механизм отрицания. Стремление к самораскрытию и самовыражение имеют низкие значения. Для них характерна выраженная тенденция самоподавления. И это находит определенную обратную зависимость относительно уровня развития правосознания. Высокие баллы по данной стратегии коррелируют с низким уровнем развития правосознания.

При сравнении результатов разных этноконфессиональных групп по отдельным шкалам методики СЖО распределение получилось следующим:

1. Цели (0–42): $и > п > м > а$. Из полученного распределения видно, что меньше всего задумываются о целях и перспективах на будущее, а больше живут сегодняшним или вчерашним днем мусульмане и атеисты. Наивысший показатель по этой шкале в группе иудеев, что может говорить о том, что они тщательнее структурируют, продумывают свои перспективы на будущее и более осмысленно планируют «завтрашний день».

2. Процесс (0–42): $п > м > и > а$. Наименьший показатель в группе атеистов, но все группы имеют близкие показатели. Результаты по этой шкале показывают, что православные в наибольшей степени воспринимают процесс жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом.

3. Результат (0–35): $п > а > и > м$. Баллы по этой шкале показывают оценку пройденного отрезка жизненного пути, его продуктивность и осмысленность. Более высокие баллы по этой шкале выявлены в группах атеистов и православных христиан. Можно предположить, что эти группы больше других удовлетворены предыдущим периодом своей жизни.

4. Локус контроля – Я (0–28): $п > и > м > а$. Больше всего удовлетворена своей способностью построить жизнь в соответствии со своими желаниями, целями и представлениями о ее смысле группа православных. Самый низкий показатель в группе атеистов, что очевидно соответствует представлению их о себе, как о личностях, не имеющих достаточную возможность и свободу для того, чтобы творить свою жизнь так, как они хотят и считают нужным.

5. Локус контроля – жизнь (0–42): $м > и > п > а$. Данная шкала характеризует убеждение, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Самый низкий показатель по выборке в группе атеистов может свидетельствовать о фатализме и мнении о бессмысленности что-либо загадывать на будущее у данной группы респондентов.

Все три основные конфессии показали примерно одинаковые показатели по общей осмысленности жизни. Группа атеистов по трем шкалам получила наименьшее количество баллов, что может свидетельствовать о некоторой неудовлетворенности по сравнению с другими группами, прожитым и настоящим участками жизни, и как результат – отсутствием особых планов на будущее.

Проведенный сопоставительный анализ показал, что существует определенная зависимость между уровнем развития правосознания и результатами СЖО. У респондентов с высоким уровнем развития правосознания преобладают высокие баллы по шкалам «локус контроля – Я» и «цели в жизни».

Интересные данные были получены в процессе исследования ценностей. По этноконфессиональной принадлежности наиболее высокие показатели были получены по следующим шкалам:

«Мусульмане» – власть, минимизация усилий, поддержка неформальной группы, собственная безопасность, карьера, материальный интерес.

«Православные» – минимизация усилий, материальный интерес, собственные принципы, «социальное лицо», новые горизонты, перспективы.

«Иудеи» – власть, собственные принципы, причастность к власти, собственная безопасность, материальный интерес, карьера.

«Атеисты» – минимизация усилий, собственные принципы, стабильность, обязательства других, карьера.

Для респондентов с высоким уровнем развития правосознания было характерно: власть, карьера, материальный интерес и перспективы профессиональной деятельности. Из полученных результатов видно, что люди с высоким уровнем развития правосознания имеют хорошие показатели по уровню развития организационных ценностей, выделяя из них в качестве приоритетных те, которые непосредственно направлены на реализацию конкретных видов деятельности.

Выявленные особенности правосознания у различных этноконфессиональных и профессиональных групп студентов позволили разработать психолого-педагогические рекомендации при проведении тренингов, повышающих уровень развития правосознания студентов.

В нашем исследовании были выявлены личностные особенности, которые характерны для разных этноконфессиональных групп. Так, для христиан характерны затруднения, связанные с самоидентификацией. Этот показатель значительно более проблемный именно в этой группе, в то время как у мусульман и иудеев этот показатель значительно более благополучный. Поэтому для развития правосознания этой этноконфессиональной группы целесообразно использовать задания, содержательно связанные с проблемами самоидентификации.

Мусульмане, которые в силу религиозных традиций склонны к регламентированному поведению, нуждаются в большей степени, чем представители других этноконфессиональных групп, в развитии смыслообразования в ситуациях неопределенности, когда выбор надо сделать не на основе традиционных способов поведения, а именно как ценностно-смысловое решение; нуждаются в заданиях, связанных с разрешением ситуаций неопределенности.

Иудеи в нашем исследовании показали себя как люди, склонные к категорическим позициям (мое мнение, безусловно, правильное, я не хочу с вами соглашаться и т. д.), поэтому для этой группы целесообразно использовать задания в форме альтернативного позиционирования, задачи, преобразующие стимульную мотивацию

в смыслообразующую (например, соревновательную в оценочную).

Конечно, в полноценной программе по развитию правосознания целесообразно использовать различные типы заданий, но этноконфессиональные особенности надо учитывать и по возможности использовать принцип «адресного воздействия» с ориентацией на национальные и религиозные характеристики студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц., Савин В. А.* Диалог культур как смыслотехнология формирования установок толерантного сознания и поведения студентов вуза // *Российский психологический журнал*. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 46–59.
2. *Аминов И. И.* Юридическая психология. – М.: ЮНИТИ, 2007. – 416 с.
3. *Арыстамбаева С. А.* Социально-философский анализ правосознания. Монография. – Астана, 2008. – 214 с.
4. *Ахметов С. А.* Правосознание и его социальные противоречия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 1998. – 20 с.
5. *Боев В. М.* Правовая информированность и формирование правовой культуры личности (вопросы теории): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1993. – 22 с.
6. *Веденкин Н. А.* О необходимости диагностики уровня развития правосознания личности кандидата на службу в органы внутренних дел // *Вопросы психологии экстремальных ситуаций*. – 2011. – № 2.
7. *Гулевич О. А.* Структура правосознания и поведение в правовой сфере // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* – 2009. – № 5 (7).
8. *Жикривецкая Ю. В.* Правосознание россиян в переходный период развития общества: дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2004. – 179 с.
9. *Кадацких И. Ю.* Особенности этнокультурного Я в структуре самосознания личности студентов // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Ювенология. Социокинетика*. – 2008. – Т. 14. – № 3. – С. 191–196.
10. *Казурова О. Ю.* Правовая социализация студенческой молодежи в условиях современ-

- ного российского общества: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – Волгоград, 2006. – 21 с.
11. *Кваша А. А.* Правовые установки граждан: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 27 с.
12. *Корник А. А.* Формирование правосознания в трансформирующемся обществе: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2007. – 23 с.
13. *Котова М. В.* Этническое предубеждение и установка: соотношение понятий // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2008. – № 8. – С. 79–80.
14. *Купавская А. С.* Этнокультурная компетентность как составляющая компетентности в общении // Психология общения: тренинг человечности: Тезисы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Л. А. Петровской. – М., 2007. – С. 262–264.
15. *Михеева И. В.* Трансформация ценностно-смысловой сферы личности в условиях современной России в контексте исследования правосознания: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
16. *Муслумов Р. Р.* Особенности мотивации студентов в изучении правоведения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 3. – С. 310–313.
17. *Хвыля-Олинтер А.* Влияние религиозного фактора на формирование правового сознания // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: материалы межвузовской научно-практической конференции. – Белгород, Изд-во Белгород. юрид. ин-та МВД России, 2003. – С. 33–40.
18. *Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V.* Life-sense Strategies as a Motivational-Dynamic Characteristic of a Person // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – 86. – pp. 35–41.
19. *Leung K.* Social axioms. The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // J. of Cross-Cultural Psychology. – 2002. – V. 33. – pp. 286–302.

Vasil'eva O. S., Gaus E. V., Omelechko S. S.
Ideas of Happiness in Connection with
Gender Identity at Women of Different Age
Groups

This article is about ideas of happiness in connection with type of gender identity at women of different age. This subject is represented to authors interesting as the happiness is a basic human value without which it is difficult to present full-fledged human life, secondly, the happiness influences in general vital elections of the individual. Relevance of studying of ideas of happiness at women is caused change of roles of the woman in the modern world, and also undoubted importance of this role. The happy woman provides a health basis, her internal state is broadcast outside and in many respects defines an emotional situation in a family, society and a civilization.

Object of research – ideas of happiness and their psychological correlates, gender identity, sense-orientations and life-orientations and the self-relation.

Object of research – the girls–senior pupils (pupils of the 11th classes of a gymnasium), the woman of young and mature age (22–45 years).

The conducted research allows drawing the following conclusions:

1. On average the level of experience of happiness on the generalized selection is estimated at 7,1 point at 10 mark system of estimation, i. e. with a tendency to the high.

2. The happiness as the concrete vital plan or the purpose is considered seldom, most often it is present as the accompanying category.

3. Women of different age groups find similar indicators of the sense-orientations and life-orientations and the self-relation. Level of subjective experience of happiness finds weak direct correlation link with intelligence of life.

Novelty – is consideration of female ideas of happiness in comparison of three uneven-age groups. Practical application – psychological counseling, psychological and pedagogical practice of training and overall development of self-awareness of women and girls.

Keywords: *ideas of happiness, happiness, gender, female psychology, senior pupils, young women, mature women, role of the woman, sense-orientations and life-orientations, self-relation.*

REFERENCES

1. Eysenck G., Eysenck M. Faktor schast'ja [Happiness factor]. *Issledovanija chelovecheskoj psihiki – Researches of Human Mentality*, Moscow, EKSMO–Press, 2001, pp. 255–288.
2. Argail M. *Psihologiya schast'ya* [Psychology of happiness]. St. Petersburg, Piter, 2003, 571 p.
3. Vasil'eva O. S., Poludnenko L. V. Vzaimosvyaz' sub'ektivnogo urovnya schast'ya u podrostkov s prinyatiem otvestvennosti za svoyu zhizn' [Interrelation of subjective level of happiness at teenagers with acceptance of responsibility for the life]. *Semejnaya psihologiya i semejnaya terapiya – Family Psychology and Family Therapy*, 2006, no. 3, pp. 66–78.
4. Vorkachev S. G. Kontsept schast'ya: ponyatiyny i obraznyy komponenty [Happiness concept: conceptual and figurative components]. *Izvestiya RAN. Seriya: literatura i jazyk – News of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and Language*, 2001, V. 60, no. 6, pp. 47–58.
5. Gabdulina L. I. Zhiznennaya udovletvorennost', schast'e i ih obuslovlennost' tsennostnymi i smyslozhiznennymi orientatsiyami lichnosti [Vital satisfaction, happiness and their conditionality valuable and sense-orientations of the personality]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North Caucasian Psychological Bulletin*, 2003, no. 1, pp. 59–65.
6. Gaponova S. A., Sal'nikova I. V. Predstavleniya o schast'e sovremennykh studentov – yunoshey i devushek [Ideas of happiness of modern students – young men and girls]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo un-ta – Messenger of Vyatka State Humanitarian University*, 2013, no. 2 (3), pp. 151–154.
7. *Gendernaya psikhologiya* [Gender psychology]. St. Petersburg, Piter, 2007, 431 p.
8. Dzhidar'yan I. A. *Predstavlenie o schast'e v rossiyskom mentalitete* [Idea of happiness in the Russian mentality]. St. Petersburg, Aleteyya, 2001, 242 p.
9. Dzhidar'yan I. A. Schast'e v predstavleniyakh obydenного soznaniya [Happiness in representations of ordinary consciousness]. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological Journal*, 2000, V. 21, no. 2, pp. 40–48.
10. Karapetyan L. V. Eksperimental'noe issledovanie komponentov bazovykh zhiznennykh

- ustanovok [Experimental investigation of components of basic vital installations]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo un-ta – News of Ural Federal University*, 2009, V. 62, no. 1–2, pp. 60–67.
11. Kachur N. V. Molodezhnoe vospriyatie schast'ya (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa) [Youth perception of happiness (by results of sociological interview)]. *Izvestija Saratovskogo un-ta. Novaja serija. Serija: sociologija, politologija – News of the Saratov University. New series. Series: Sociology, Political Science*, 2013, V. 13, no. 4, pp. 44–48.
 12. Leont'ev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO) [Test of sense-orientations and life-orientations (SLO)]*. Moscow, Smysl, 1992, 16 p.
 13. Semenova T. V. Tsennostno-smyslovye kharakteristiki predstavleniy o muzhskom i zhenskom schast'e [Valuable and semantic characteristics of ideas of man's and female happiness]. *Fundamental'nye issledovaniya – Basic Researches*, 2014, no. 6–5, pp. 1067–1073.
 14. Uvarova T. Yu. Ponyatie samorealizatsii lichnosti i ee vzaimosvyaz's predstavleniyami o schast'e u podrostkov [Concept of self-realization of the personality and her interrelation with ideas of happiness at teenagers]. *Pedagogika i sovremennost' – Pedagogics and Contemporaneity*, 2013, no. 6, pp. 88–92.
 15. Lentza V., Montgomery A. J., Georganta K., Panagopoulou E. Constructing the health care system in Greece: responsibility and powerlessness // *British Journal of Health Psychology*, 2014, 19, pp. 219–230.
 16. Malik S. H., Blake H., Suggs L. S. A systematic review of workplace health promotion interventions for increasing physical activity // *British Journal of Health Psychology*, 2014, 19, pp. 149–180.

Gracheva N. M.

Features of Representations of Themselves and the World in Balinese Culture

The article focuses on the need of conscious relations to the ongoing escalation of international disputes, the adoption of the identity of different

cultures and traditions, in order to avoid conflict situations. On the example of Balinese culture is illustrated that at first sight, traditions, rituals of other people seem incomprehensible, alien, but they are aimed at peacekeeping and prosperity, and it is important. The article presents the result of a descriptive empirical study of notions about themselves and the world among the inhabitants of the island of Bali in the vicinity of Ubud. This city is considered the cultural capital of the island, which has preserved the tradition of Balinese Hinduism – synthesis of Hinduism, Buddhism and local beliefs. The ideas of themselves and the world sounded by respondents in the course of research confirmed this status, the unique combination of values of the self-actualized personality along with a ritualism and religiousness was shown. In the process, even a small, pilot study revealed a unique synthesis of material and spiritual ideas about themselves and the world in Bali. At the initial stage of the research representatives of the Balinese culture were not prepared for the fact that their worldview will be shown a sincere interest and willingness to hear how they see the world and their role in it. That is why, on the first phase they gave socially acceptable universal answers. In this connection, the author notes the need for some degree of openness and not to identify with values and priorities in the process of conducting this kind of research, because otherwise it is hard to grasp the true meaning of the message given by the representatives of other cultures.

Keywords: cross-cultural research, world picture, worldview, Balinese culture, identity, traditions, universal (integrative) values.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. Obraz mira v structure social'nogo poznaniya [The image of the world in the structure of social cognition]. *Mir psihologii – The World of Psychology*, 2003, no. 4, pp. 31–41.
2. *Balijskie asociacii ili 66 faktov ob ostrove Bali* [Balinese Association or 66 facts about the island of Bali]. URL: <http://life-with-dream.org/balijskie-associacii-ili-66-faktov-ob-ostrove-bali/>
3. Berger P. *Social'noie konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologiyi znaniya* [The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium, 1995, 323 p.

4. Grishaeva L. I. *Vvedeyie v teoriyu mekul'turnoi kommunikacii: uchebnoie posobyie dlia vuzov* [Introduction to the theory of intercultural communication: Textbook for the University]. Moscow, Academy, 2007, 336 p.
5. Zimbardo F. *Kul'turnaja psihologija* [Cultural psychology]. URL: http://trainingcity.ru/interest/articles/kulturnaya_psixologiya.html
6. Kozlov V. V. *Duhovnyj krizis – struktura i dinamika* [Spiritual crisis – structure and dynamics]. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1623>
7. Leontiev D. A., Smirnov S. D. Neopublikovannie materialy A. N. Leontieva [Unpublished materials of A. N. Leontiev]. *Vestnik MGU. S. 14. Psihologiya – Bulletin of the MSU. S. 14. Psychology*, 1986, no. 3, P. 73.
8. Lurie S. V. *Izucheniye etnicheskoi kartiny mira kak megdisciplinarnaia problema* [The study of the ethnic picture of the world as an interdisciplinary problem]. *Kul'tura, chelovek i kartina mira – Culture, people and picture of the world*, Moscow, Nauka, 1987, pp. 110–117.
9. Mochalova U. A. *Krosskul'turniye osobennosti obraza mira predstavitelei narodov Evropy. Diss. ... kand. psichol. nauk* [Cross-cultural peculiarities of the image of the world representatives of the peoples of Europe. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences]. Rostov-on-Don, 2013, 22 p.
10. Romek E. *Chto mozhet dat' filosofija psihoterapevtu?* [What can philosophy give for therapist?]. *Existencial'naya tradiciya: filosofiya, psihologiya, psyhoterapiya – Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy*, Rostov-on-Don, 2011, no. 2 (19), pp. 147–163.
11. Rubinshteyn S. L. *Bytiye i soznaniye. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and world]. St. Petersburg, Piter, 2003, 512 p.
12. Stefanenko T. G. *Etnopsihologiya* [Ethnopsychology]. Moscow Publ., 1999, 320 p.
13. Fel'dshteyn D. I. *Psihologiya razvitiya cheloveka kak lichnosty: Izbrannye trudy: V 2 t. T. 1.* [Psychology of development of personality: Selected works: In 2 v. V. 1.] – Moscow, MODEC, 2009, 600 p.
14. *Etnopsihologicheskii slovar'. Pod red. V. G. Kry's'ko* [Ethnopsychological dictionary. Ed. V. G. Kry's'ko]. Moscow, MPSI Publ., 1999, 343 p.
15. Berry J. W., Poortnga Y. H. *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications* // Cambridge University Press, 2002, 588 p.
16. Maslow A. H. *Religions, Values and Peak-Experience*. New Harmonswoth, 1982.
17. Orne M. T. On the social psychology of the psychological experiment // *Am. Psychologist*, 1962, V. 17.
18. Segall M. H. *Human Behavior and Public Policy: A Political Psychology*. London, Pergamon Press, 1976, 321 p.

Grimsoltanova R. E., Batygov Z. O.
Fear of Being Possessed in the Post-Conflict Territory: Myth and Religion

In this article we explore issues of existential importance of religion during socialization and adaptation of youth in a post-conflict region. The article provides with theoretical analysis of phenomenon of being possessed by Jinn (the Evil Spirit) in three major religions (Judaism, Christianity, Islam), as well as with what Torah, Bible and Quran say about a person possessed by the Evil Spirit. Islam, Christianity and Judaism confirm existence of the Evil Spirit and its influence upon people. Also, the article gives an analysis on similarities and differences of this aspect in the three religions. Interestingly, the three religions share similar approach in exorcising the Evil Spirit from a human's body.

Excessive mythologization of certain religious contents can cause a destructive transformation and deformation of personality, as in this case religious beliefs of a person become excessive and turn into non-traditional.

By means of the content-analysis of a questionnaire that was developed specifically for the purposes of this research, we explore issues related to beliefs among youth, as well as their religiousness, religious awareness of respondents on possession by the Evil Spirit, perception of mythological fear among young people, religious aspects in understanding the phenomenon of possession by the Evil Spirit and the process of cleansing.

The article gives detailed information about the questionnaire results of recipients, in adolescent groups of different genders, experiencing mythological fears. The gender groups were divided into small groups depending on the level of their

mythological fear. Qualitative and quantitative data is provided for gender groups and small groups.

Keywords: *Islam, religion, religiousness, mythologization, mythological fear, possession by Jinns, exorcism, cleansing, adolescence, post-conflict territory.*

REFERENCES

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N. Tekhnologii napravlenogo vozdviizhii po profilaktike ideologii ekstremizma i terrorizma [Technologies of the directed influence on prevention of the ideology of extremism and terrorism]. *Sbornik materialov 6-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam bezopasnosti i protivodeistviia terrorizmu – Proc. the 6th International Scientific Conference on problems of safety and counteraction to terrorism*, Moscow, MSU Publ., 11–13 November, 2010, pp. 181–194.
2. Grimsoltanova R. E., Grimsoltanova T. E. Otnoshenie studencheskoi molodezhi v Chechenskoj Respublike k fenomenu oderzhimosti [The student's youth relation to the possession phenomenon in the Chechen Republic]. *Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy podgotovki spetsialistov v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviakh" – Proc. the All-Russian Scientific-Practical Conference "Problems of training of experts in modern sociocultural conditions"*, Stavropol, 2014, pp. 67–76.
3. Grimsoltanova R. E. Lichnostnaia trevozhnost' i religioznost' molodezhi – instrument manipulatsii soznaniem i povedeniem [Personal anxiety and religiousness of youth is an instrument of manipulation of consciousness and behavior]. *Nauchnyi vzgliad na sovremennyi etap razvitiia obshchestvennykh, tekhnicheskikh, gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Aktual'nye problemy: sbornik nauchnykh statei po itogam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii – Proc. All-Russian Scientific-Practical Conference "Scientific view of the present stage of development of social, technical, humanitarian and natural sciences. Actual problems"*, St. Petersburg, Kul'tInformPress Publ., 2–3 September, 2014, pp. 31–34.
4. Grimsoltanova R. E. Metodologiya vospriiatiia vtorichnogo obraza [Methodology of perception of a secondary image]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2012, V. 10, no. 2, pp. 43–46.
5. Grimsoltanova R. E. Mesto religii v spetsifike lichnostnogo razvitiia. Psikhologiya religii [The place of religion in the specificity of personal development. Religion psychology]. *Lomonosov-2014: tezisy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh – Proc. the XXI International Scientific Conference of Students, Post-Graduate Students and Young Scientists "Lomonosov-2014"*, Moscow, MAKS Press Publ., 7–11 April, 2014.
6. Grimsoltanova R. E. Oderzhimost' kak predmet psikhologicheskogo issledovaniia [Possession as a subject of psychological research]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2013, V. 10, no. 3, pp. 55–62.
7. Grimsoltanova R. E. Psikhologicheskiye osobennosti mifologicheskikh strakhov v period yunosti u predstaviteley islama [Psychological features of mythological fears at adolescent age of Islam representatives]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2014, V. 11, no. 4, pp. 16–26.
8. Grimsoltanova R. E. Psikhologiya vozdviizhii religioznykh uchenii i totalitarnykh kul'tov na lichnostnye osobennosti v kontekste razlichnykh psikhologicheskikh podkhodov [The psychology of influence of religious doctrines and totalitarian cults on personal features in the context of various psychological approaches]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2013, V. 11, no. 4, pp. 19–23.
9. Grimsoltanova R. E. Psihologiya religii i rol' javleniya oderzhimosti v studencheskoj srede Chechenskoj respubliky [Psychology of religion and role of the phenomenon of possession in the student's environment of the Chechen Republic]. *Konferenciya "World & Science" – Conference "World & Science"*, Chech Republic, 2014, pp. 152–157.
10. Grimsoltanova R. E. Religioznaia oderzhimost' kak predmet psikhologicheskogo analiza: postanovka problemy [Religious possession as a subject of psychological analysis: problem statement]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal –*

- Russian Psychological Journal*, 2012, V. 9, no. 4, pp. 62–69.
11. Grimsoltanova R. E. Religioznost' chechenskoi molodezhi i ee kriterii [Religiousness of Chechen youth and its criteria]. *Psikhologiya i pedagogika: teoreticheskie i prakticheskie aspekty sovremennykh nauk. Materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii dlia studentov, aspirantov i molodykh uchenykh – Proc. XXII International Scientific-Practical Conference of Students, Post-Graduate Students and Young Scientists "Psychology and pedagogics: theoretical-practical aspects of modern sciences"*, Moscow, Moscow Scientific Center of Psychology and Pedagogics Publ., 31 May, 2014, pp. 59–62.
 12. Grimsoltanova R. E. Sotsial'nye, psikhologicheskie i psikiatricheskie transformatsii religioznykh ustanovok v regionakh s povyshennoi sotsial'no-psikhologicheskoi napriazhennost'iu [Social, psychological and psychiatric transformations of religious attitudes in regions with the increase in social-psychological tension]. *Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Religiia, religioznost', filosofii i gumanitaristika v sovremennom informatsionnom prostranstve: natsional'nyi i internatsional'nyi aspekty" – Proc. VII International Scientific-Practical Conference "Religion, religiousness, philosophy and humanitaristics in modern information space: national and international aspects"*, Ukraine, 26–27 December, 2013, pp. 5–12.
 13. Grimsoltanova R. E. Strakh pered oderzhimost'iu dzhinnami, kak kriterii religioznosti v Chechenskoi respublike [Fear of possession by jinns as a criterion of religiousness in the Chechen republic]. *European Social Science Journal*, 2014, V. 3, no. 7, pp. 364–368.
 14. Mifologiya i religiya [Mythology and religion]. *Filosofiya. Sost. L. D. Erokhina, A. K. Erohin i dr. – Philosophy. Comp. L. D. Erokhina, A. K. Erokhin et al.* URL: <http://abc.vvsu.ru/Books/filosofia/page0003.asp>
 15. Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju. Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth / The 13th European Congress of Psychology, 2013, Stockholm, Sweden, 9–12 July 2013.
 16. Grimsoltanova R. E., Grimsoltanova T. E. Value of myth and religious belief of young people in the conditions of post-conflict region // *European Science and Technology: materials of the VIII international research and practice conference*, Munich, October 16th–17th, 2014, pp. 291–296.
 17. Grimsoltanova R. E. Rilevanza esperienze mistiche nelle regioni post-conflitto // *Italian Science Review*, 2014, 1 (10), pp. 113–115.
 18. Haber J., Jacob R., Spangler J. D. C. Dimensions of religion and their relationship to health // *The International Journal for the Psychology of Religion*, 2007, Vol. 17 (4), pp. 265–288.
 19. Powell L. H., Shahabi L., Thoresen C. Religion and spirituality linkages to physical health // *American Psychologist*, 2003, Vol. 58, pp. 36–52.
 20. Wuthnow R. How religious groups promote forgiving: a national study // *J. Sci. Stud. Relig.*, 2000, Vol. 39, pp. 125–139.

Lagodina E. V.

Imagining the City. The Study of the Perception of Urban Space on the Example of Rostov-on-Don

This article includes the results of qualitative research methods for the study of the perception of urban space as part of the thesis research. The author analyzes the factors that contribute to a sense of subjective comfort of living in the city, trying to identify the positive and negative aspects. The results, shown in this paper, were obtained using structured in-depth interviews and a method of mental maps. During the personal interview respondent was asked to make a mental map of the city. This task was formulated as a request to depict graphically the city as he imagined it, tried to reflect those parts of the city that the respondent knows.

The results obtained through interviews can be divided into four thematic blocks: assessment of the city in terms of subjective comfort, a description of residence, urban character and man's relation to the city and engineering design ideal medium for a living. The article is most reflected the first three aspects, the array of data on the last quarter of the item is too complex and requires a separate publication. The results of in-depth interviews were analyzed using

content analysis method. The study involved 34 people (17 women and 18 men), the inhabitants of the city of Rostov-on-Don of the three age groups (17–25 years, 26–40 years, 41 and over). For most of the respondents city of Rostov-on-Don is a native or residence time is more than five years. Given the fact that the large Russian cities are experiencing a number of rather serious and similar problems, the author believes that the results of this study may be useful and applicable not only in the scale of the study area. The author is convinced that the success of the decision facing the city of problems depends primarily on the willingness of citizens to interact with and integrate them into the decision-making process.

Keywords: psychology, sociology, urban studies, urban space, city planning, urban infrastructure, urbanization, mental maps, image of the city, symbols of the city.

REFERENCES

1. Veselkova N. V. Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktiki ispol'zovaniya [Mental map of the city: the methodology and practice of using]. *Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie – Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, 2010, no. 31, pp. 5–30.
2. Veselova M. N. Prostranstvenno-vremennoj aspekt vzaimodejstvija cheloveka s istoricheskim gorodom [Spatial and temporal aspects of human interaction with the historical city]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii – Modern Scientific Research and Innovation*, 2012, no. 5.
3. Vinogradova E. I. Predstavlenie o mental'nyh kartah goroda Ekaterinburga [The concept of mental maps of Yekaterinburg]. URL: http://archvuz.ru/numbers/2006_22/k25
4. Glazkov K. P. Mental'nye karty: sposoby analiza, pogreshnost' i prostranstvennaja metrika [Mental maps: methods of analysis, accuracy and spatial metric]. *Sociologija vlasti – Sociology of Power*, 2013, no. 3.
5. Glazkov K. P. Jekskursija po gorodu: mental'nye karty kak instrument izuchenija obraza goroda [City tour: mental maps as a tool for studying the image of the city]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: The Economic and Social Changes*, 2013, V. 5, no. 117, pp. 136–151.
6. Glazichev V. L. *Social'no-jekologicheskaja interpretacija gorodskoj sredy* [Socio-ecological interpretation of the urban environment]. Moscow, Nauka, 1984, 180 p.
7. Kul'tura goroda: problemy innovacij. Sb. nauch. trudov. Pod nauch. red. V. L. Glazycheva [Culture of the city: the problem of innovation. Coll. Scientific. Works. Sci. Ed. of V. L. Glazichev]. Moscow, Publishing House of the Institute of Culture, 1987, 200 p.
8. Kul'tura goroda: problemy razvitija. Sb. nauch. trudov. Pod red. V. L. Glazycheva [Culture of the city: the problems of development. Coll. scientific. works. Ed. of V. L. Glazichev]. Moscow, Publishing House of the Institute of Culture, 1988, 187 p.
9. Lynch K. *Obraz goroda* [The image of the city]. Moscow, Stroyizdat, 1982.
10. Lynch K. *Sovershennaja forma v gradostroitel'stve: per. s angl.* [The perfect form in urban planning: transl. from Engl.]. Moscow, Stroyizdat, 1986, 264 p.
11. Smolova L. V. *Vvedenie v psihologiju vzaimodejstvija s okruzhajushhej sredoj* [Introduction to the psychology of interaction with the environment]. St. Petersburg, Rech', 2008.
12. Smolova L. V. Stanovlenie psihologii vzaimodejstvija s okruzhajushhej sredoj (istoricheskij aspekt) [Formation psychology of interaction with the environment (historical aspect)]. *4-ja Rossijskaja konferencija po jekologicheskoi psihologii: Materialy konferencii. Pod obsch. red. V. I. Panova i A. V. Ivashchenko – 4th Russian Conference on Ecological Psychology: Proceedings of the Conference. Under the total. ed. of V. I. Panov and A. V. Ivashchenko*, Moscow, PFUR, 2006, pp. 28–42.
13. Strelnikova A. V. Metod biograficheskoi progulki: interv'ju v prostranstvennom izmerenii [Method of biographical walk: an interview in the spatial dimension] *Sbornik statej VI nauchno-prakticheskoi konferencii "Sovremennaja sociologija – sovremennoj Rossii" – Collection of Articles VI Scientific-Practical Conference "Modern Sociology – Contemporary Russia"*, URL: www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76002574

14. Kholodova L. P. *Obraz goroda Ekaterinburga* [The image of the city of Yekaterinburg]. *Ekaterinburg – vchera, segodnja, zavtra: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 275-letiju goroda – Ekaterinburg – yesterday, today and tomorrow. Materials of Scientific and Practical Conference Devoted to 275 Anniversary of the City, Yekaterinburg*, 1998.
15. Steinbach J. E., Yelenskiy V. I. *Psihologija zhiznennogo prostranstva* [Psychology of living space]. St. Petersburg, Rech', 2004, 239 p.
16. Gifford R. *Environmental psychology. Principles and practice*. Victoria, Canada, 2002, 535 p.
17. Kitchin R., Dodge M. *Rethinking Maps* // *Progress in Human Geography*, 2007, no. 31 (3), pp. 331–344.
18. Wolff L. A. *New Mental Map of the World* // *The New York Times Opinion*, 2001.

Rashchupkina Yu. V.

Productive Characteristics of a Choice of Significant Another by the Studying Young People Depending on Expressiveness of a Personal Maturity

In the article studying young people state the results of research of productive characteristics of a choice of significant other person. It is shown that the choice of significant another is one of vital elections essential impact on which has the personal maturity. Signs and characteristics of vital elections of young people are stated. The productive characteristics of a choice of significant another reflecting the contents both existential prospect of a choice and expressed in self-assessments of respondents are considered. Productive characteristics are analyzed in connection with a maturity of the personality causing specifics of vital elections. The personal maturity is considered as a specific configuration of personal features which structure is reflected by integrity of the interconnected components, including valuable and motivational, emotional and strong-willed, reflexive, operational components.

Types of a personal maturity are allocated on the basis of the maintenance of each of components and considered in a continuum "a personal maturity – personal immaturity". The contents of productive characteristics of a choice of significant another

at men and women depending on expressiveness and types of their personal maturity are empirically studied and opened. It is empirically established that features of productive characteristics are caused by a maturity and sexual differentiation of subjects. By means of a method of polar groups "portraits" chosen significant another by "mature" and "unripe" men and women are created. It is empirically established that at a choice of significant another for "mature" and "unripe" young people the maintenance of material values, educations, religions, features of a way of life and professional activity, valuable and motivational spheres of significant another is similar. For "unripe" young people unlike mature is important and the level of the income of the chosen significant other person.

Keywords: *vital choice, procedural characteristics, productive characteristics, significant another, young people, the studying youth, a personal maturity, types of a maturity, expressiveness of a maturity, personal infantilism.*

REFERENCES

1. Aygunov V. R. *Motivatsiya vybora brachnogo partnera u molodezhi (sravnitel'nyy analiz v kontekste russkoy i dagestanskoy kul'tur)*. *Avtoref. diss. ... kand. psikh. nauk* [Motivation of a choice of the marriage partner at youth (the comparative analysis in the context of the Russian and Dagestan cultures). Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences]. Moscow Publ., 2009, 203 p.
2. Anan'yev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniya* [About problems of a modern human' knowledge]. Moscow, Nauka, 1977, 379 p.
3. Gavrilova E. A. *Psikhologicheskaya kharakteristika vybora brachnogo partnera – osnova dlya razvitiya garmonichnykh otnosheniy v brake* [The psychological characteristic of a choice of the marriage partner – a basis for the development of the harmonious relations in marriage]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy psikhologii: materialy mezhdunar. nauch. konf. – Topical issues of modern psychology: materials of the international scientific conference*, Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa, 2011, pp. 17–22.
4. Dzhanner'yan S. T., Rashchupkina Yu. V. *Osobennosti lichnostnoy zrelosti gorodskoy*

- uchashcheysya molodezhi [Features of a personal maturity of the city studying youth]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region – News of Higher Education Institutions. North Caucasus Region*, 2015, no. 1.
5. Dzhanner'yan S. T. Struktura tipov professional'nykh Ya-kontseptsiy [Struktura of types of professional I-concepts]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2005, V. 2, no. 3, pp. 78–92.
 6. Zaytseva L. A. *Kharakteristiki i faktory vybora kar'ery v svyazi s individual'no-psikhologicheskimi osobennostyami i etapami professional'nogo stanovleniya sub'ektov. Diss. ... kand. psikhol. nauk* [Characteristics and factors of a choice of career in connection with individual and psychological features and stages of professional formation of subjects. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences]. Rostov-on-Don Publ., 2006, 193 p.
 7. Komlev A. A. Zhiznennyy vybor cheloveka: vidy i faktory vliyaniya v aspekte vozmozhnostey [Vital choice of the person: types and factors of influence in aspect of the opportunities]. *Mir psikhologii – World of Psychology*, 2004, no. 4, pp. 41–51.
 8. Kormilitsin A. V., Rudin I. V., Kochurina N. A. Vybora dolgovremennogo partnera: kontseptsii biologicheskogo i psikhologicheskogo [Choice of the long-term partner: biological and psychological concepts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2012, no. 6, pp. 112–119.
 9. *Kratkiy psikhologicheskii slovar'. Pod red. A. V. Petrovskogo, M. G. Yaroshevskogo; red.-sost. L. A. Karpenko* [Short psychological dictionary. Under the ed. of A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky; editor-originator L. A. Karpenko]. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 1998, 512 p.
 10. Petrovskiy A. V. Trekhfaktornaya model' znachimogo drugogo [Three-factorial model of significant another]. *Voprosy psikhologii – Questions of Psychology*, 1991, no. 1, pp. 7–18.
 11. Rashchupkina Yu. V. Protsessual'nye kharakteristiki zhiznennykh vyborov molodykh lyudey v zavisimosti ot vyrazhennosti lichnostnoy zrelosti [Procedural characteristics of vital elections of young people depending on expressiveness of a personal maturity]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve – Education Psychology in Polycultural Space*, 2015, no. 2.
 12. Shchebetova A. L. Psikhologicheskie osobennosti situatsiy zhiznennogo vybora v srednem vozraste [Psychological features of situations of a vital choice in the middle age]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2011, V. 2, no. 6, pp. 111–113.
 13. Michael R. T. Sex in America: a Definitive Survey. Boston, Little Brown, 1994, P. 300.
 14. Miller G. The Mating Mind. How Sexual Choice Shaped the Evolution of Human Nature. New York, First functor books edition, 2001, 462 p.

Bakaeva I. A.

Personality Profile of a Distance Education Teacher

The article presents the results of an empirical study of distance education teachers. By means of content analysis teachers were divided into groups based on criteria of their attitude to independent activity of students. Groups were divided on the cognitive, emotional, behavioral criteria. Investigation of personal spheres of teachers from the three groups, such as the sphere of self-attitude and self-esteem and the sphere of interpersonal relations, helped to identify personal and interpersonal characteristics of distance education teachers typical for most effective members of this group. The author describes personal characteristics of teachers from the selected groups, such as self-attitude, perceptions of their own qualities, self-esteem; explains the difference in the system of interpersonal relations. The article makes conclusions about proneness of a certain type of teacher's personality to use technology of initiating independent activity and distance technology in particular.

The author concludes that there are distance education teachers who are more competent in technologies of initiating independent activity of students and those who are less competent. It is emphasized that the respondents showed different levels of systematic application of independent activity technologies in their practice, which influences their work effectiveness, in particular

the integrity of students. The article presents general patterns of personality profiles of all distance education teachers, such as positive self-attitude, average values for the factors of personal strength, evaluation, and low values of activity, prevalent focus on the problem and low sociability, which proves that teachers select the distance form not occasionally. It also gives descriptions of significant differences between such qualities as exactingness, self-discipline, strong will, vigor. Theoretical and empirical conclusions substantiate the idea that a distance education teacher has a certain type of personality, and more effective teachers have these personality traits more vividly expressed.

Keywords: personality profile, distance education, independent activity, teachers, competence, attitude, effectiveness.

REFERENCES

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Fomenko V. T., Gridneva S. V., Zvezdina G. P., Tascheva A. I., Yushko G. N. *Upravlyemoe samostoytelnoe obuchenie v usloviyakh sovremennogo universiteta: teoreticheskie aspekty i prakticheskie rekomendatsii* [Controlled self-education in the modern university: theoretical aspects and practical recommendations: a practice-oriented monograph]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2014, 400 p.
2. Abakumova I. V., Kagermazova L. Ts. *Technologii napravlennoi translycii smyslov v obuchenii* [Technologies of directed broadcasting of senses in learning]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2008, V. 5, no. 4, pp. 56–64.
3. Abakumova I. V. *Smysloobrazovanie v uchebnom processe. Diss. ... doct. psiol. nauk* [Sense-formation in the learning process. Diss. ... Doct. of Psychol. Sciences]. Rostov-on-Don, 2003, 480 p.
4. Averyanov L. Y. *Content-analiz* [Content analysis]. URL.: <http://www.knorus.ru/upload/pdf/228983.pdf>
5. Bogomolova N. N. *Sotsialnaya psikhologiya massovoi kommunikatsii. Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Social psychology of mass communication. Textbook for university students]. Moscow, Aspect Press, 2008, 191 p.
6. Bordovskaya N. V., Rean A. A. *Pedagogika. Uchebnik dlya vuzov* [Pedagogy. Textbook for universities]. St. Petersburg, Piter, 2000, 304 p.
7. Volovodenko A. S. *Formirovaniye kompetentsii starsheklassnikov profilnoi shkoly v samostoyatelnoi uchebnoi deyelnosti na osnove multimediakompleksa. Aftoref. diss. ... kand. ped. nauk* [Formation of the competence of senior profile school students in independent educational activity based on multimedia complex. Abstract of Diss.... Cand. Ped. Sciences]. Yekaterinburg, 2010.
8. Guzeev V. V. *Obrazovatel'naya tekhnologiya: ot priema do filosofii* [Educational technology: from reception to philosophy]. Moscow, September, 1996, 112 p.
9. Ivanova S. P. *Uchitel XXI veka: noo-psikhologicheskii podhod k analizu professionalno-lichnostnoi gotovnosti k pedagogicheskoi deyelnosti* [Teacher of the XXI century: noo-psychological approach to the analysis of professional and personal readiness for pedagogical activity]. Pskov, PSPI named after S. M. Kirov Publ., 2002, 228 p.
10. Rosina I. N. *Distantsionnye i otkrytye formy obucheniya: organizatsionnye i metodicheskie voprosy* [Distance and open forms of education: organizational and methodological issues]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obschestvo – Educational Technologies and Society*, 2002, V. 5, no. 1, pp. 244–263.
11. Selevko G. K. *Sovremennyye obrazovatel'nye tekhnologii. Uchebnoe posobie* [Modern educational technologies. Textbook]. Moscow, Narodnoe obrazovanie, 1998.
12. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsialno-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malych grupp* [Social and psychological diagnosis of development of persons and small groups]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002, 490 p.
13. Fomenko V. T., Abakumova I. V., Telnova O. V. *Razvivauchaya model' soderganiya obucheniya v obschem obrazovanii* [Developing model of learning content in general education]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2013, V. 10, no. 4, pp. 7–14.
14. Anson W. *Effects of teaching self-monitoring in a distance learning course: Diss. PhD. University of Southern California, USA*, 2004.

15. Stosic L., Stosic I. Diffusion of innovation in modern school // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE), 2013, 1 (1), 5.
16. Tutorial teaching / Oxford learning institute // URL: <https://www.learning.ox.ac.uk/>

Efimenko S. V.

Special Features of the Emotional-Volitional Field of the Students in the Study of the Foreign Language

In this article is said about the development of emotional and volitional sphere of students at lessons of foreign language at high school. The main attention is given to foreign language means for the building of the higher feelings such as moral, intellectual, aesthetic. Communicative practices of the different art based on the text content of high moral standards arouse interest in the learning of the foreign language, and develop the emotional stability of students. The texts, which we use at the lessons of foreign language at higher school, have to express the human attitude to the people, the society, their duties and themselves. The suggestion to students the confidence in their powers promotes the development of the personality's volitional qualities. But first at all the organization of the learning process at lessons of foreign language at higher school has to develop volitional qualities of the personality and to stimulate the self-organization of students.

In the article is also described the technologies of higher feelings education in the learning of the foreign language at higher school. To those are given: the building of the emotional experience necessary in the future professional activity; the concession of the sufficient self-dependence to the students in the educational and social activity; the attentive attitude and the respect to the students from the teacher and others. In the article is also defined the methods of the volitional qualities building at students at lessons of foreign language at higher school. The most important, in the author's opinion, are the following: the building of the sills of the appearing difficulties overcoming; the stimulation of the positive attitude of the students to the studies, the future profession; the systematic accumulation of the activity experience required volitional efforts and others. In the process of the purposeful pedagogical influence in the teaching

of the foreign language the certain personality qualities are built at students. To those qualities are taken: the feeling of the personal responsibility for their behavior; the skill of managing themselves, the keeping of the self-checking in the difficult situations; the skills of the established procedure maintenance and many others.

Keywords: emotions, high senses, volitional qualities, volitional regulation, cognitive activity, personality qualities, creative activity, competence, zeal, self-regulation of actions.

REFERENCES

1. Asmolov A. G. *Psihologiya lichnosti: Kulturno-istoricheskoye ponimaniye razvitiya lichnosti* [Personality psychology: Cultural-historical understanding of the personality development]. Moscow, Smysl, 2007, 478 p.
2. Barabanov D. D. *Razvitiye volevoy regulyazii studentov. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk* [Development of the students' volitional regulation. Cand. of Psychol. Sci. Author's abstr.]. Moscow Publ., 2014, 41 p.
3. Zaporozhets A. V. *Izb. psihol. tr.: W 2 t., T II. Razvitiye proizvolnih dvizheniy* [Sel. psychol. wor.: in 2 vol., V II. Development of free motions]. Moscow, Pedagogika, 1986, 296 p.
4. Ivannikov V. A., Barabanov D. D., Monroz A. W., Shlyapnikov V. N., Eydman E. V. Mesto "Volya" v sovremennoy psikhologii [Point "Will" in the modern psychology]. *Voprosy Psichologii – Approaches to Psychology*, 2014, no. 2, pp. 15–23.
5. Ivannikov V. A. Volya: mif ili realnost'? [Will: myth or reality?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya – Bulletin of Moscow University. No. 14. Psychology*, 1993, no. 2, pp. 70–73.
6. Ivanova L. N. *Emozionalnaya samoregulyaziya budushchego uchitelya w prozesse podgotowki k professionalnoy deyatel'nosti. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk* [Emotional self-regulation of the future teacher in the process of the preparation for the professional activity. Cand. of Psychol. Sci. Author's abstr.]. Minsk, 2001, 18 p.
7. Il'in E. P. *Emozii i chuvstva* [Emotions and senses]. St. Petersburg Publ., 2001, 752 p.
8. Leontyev A. A. *Psiholingvisticheskiye edinitsy i porozhdeniye rechevogo viskazivaniya*

- [Psycholinguistic units and the creation of the speech expression]. Moscow Publ., 2005, 287 p.
9. Leontyev A. A. *Psihologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. Moscow Publ., 1999, 365 p.
 10. Makar L. V. *Obucheniye professionalno-orientirovanomu obshcheniyu na angliyskom yazike studentov neyazikowogo vuza. Diss. ... kand. psiol. nauk* [Teaching occupational oriented communication in English of students of the nonspecialized university. Dr. Psychol. Sci. Diss.]. St. Petersburg Publ., 2000, 257 p.
 11. Petrovskii A. V. *Psyhologiya razvivayushchiysya lichnosti* [Psychology of the developing personality]. Moscow Publ., 1987, 158 p.
 12. Pryazhnikov N. S. *Metodi aktivizatsii professionalnogo i lichnostnogo samoopredele-niya* [Methods of the activization of the vocational and personality self-determination]. Voronezh Publ., 1997, 392 p.
 13. Reshetova Z. A. *Psihologicheskiye osnovi professionalnogo obucheniya* [Psychological foundations of the occupational education]. Moscow Publ., 1985, 207 p.
 14. Rubinshtein S. L. *Osnovi obshchey psihologii* [Foundations of the general psychology]. St. Petersburg, Piter, 2007, 713 p.
 15. Sorokina Ya. V. *Emozionalno-volevaya regulyaziya aktinosti v uchebnoy deyatel'nosti studentov vuza. Avtoref. diss. ... kand. psiol. nauk* [Emotional-volitional regulation of the activity in the learning activity of students of the university. Cand. of Psychol. Sci. Author's abstr.]. Yekaterinburg Publ., 2012, 29 p.
 16. Yakunin V. A. *Pedagogicheskaya psihologiya* [Pedagogical psychology]. St. Petersburg, Polius, 1998, 639 p.
 17. Ausubel D. A. *Educational psychology: a cognitive view*. New York, Holt, Rhinehart & Winston, 1999, 182 p.
 18. Bejarano Y. A cooperative small-group methodology in the language classroom // *TESO & Quarterly*, 1987, 21 (3), pp. 483–504.
 19. Betterich D. *Bright Ideas*. USIA, 1992, 64 p.
 20. Hofmann W., Schmeichel B. J., Baddeley A. D. Executive functions and self-regulation // *Trends in Cogn. Sci.*, 2012, V. 16 (3), pp. 173–180.

Lunin S. L., Ponomarev V. P.
**Influence of Ethnoconfessional Attachment
 and Professional Orientation on the
 Peculiarities of Students' Sense of Justice**

This paper considers the problem of the influence of professional, national and religious identity of the individual to his particular sense of justice. The authors understand the sense of justice as a set of attitudes, values, expressing personal settings actualizing people's attitudes to specific laws and justice in general. From their point of view of justice includes not only knowledge of the applicable law and its principles and requirements, stained determine the estimated ratio (on the basis of good–bad), but also necessarily reflect the level of personal "bias" to the legal regulation of their own lives, reflects the level of saturation with personal meaning those aspects of behavior that are regulated by the existing legal norms. The paper presents the characteristics of the levels of justice development by the criterion of semantic richness.

Empirical studies (questionnaires, psychometric diagnostics) revealed as a professional orientation and ethno-confessional students relatedness affects the specificity of their sense of justice. It was found that there is a strong link between lack of faith (they reflect the student and evaluates itself as a non-believer in God, and they do not belong to any religion or religious movements) and for the law. For people who have positioned themselves as atheists, are characterized by a nihilistic life strategy (disbelief in positive changes) and in their responses to the most clearly traced elements of legal nihilism, as disbelief in what law of life will be improved with the development of society (meaning not the development of these laws, and these laws recognition of personal property belonging to any particular person). Ethnoconfessional comparison revealed that the most positive attitude as the belief that the law actually regulates the standards of life characteristic of Muslims, then (according to the severity of optimism) are Orthodox Christians, Jews, and then in last place in the hierarchy are atheists who showed the highest the level of legal nihilism.

Keywords: justice, professional orientation, ethno-confessional identity, sense sphere, values, the meaning of life orientation, behavioral strategies.

REFERENCES

1. Abakumova I. V., Kagermazova L. Ts., Savin V. A. Dialog kul'tur kak smyslostehtnologija formirovanija ustanovok tolerantnogo soznaniya i povedeniya studentov vuza [Dialogue of cultures as sense-tolerance technology and behavior of students of the university] // *Rossijskij psihologicheskij zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2013, V. 10, no. 1, pp. 46–59.
2. Aminov I. I. *Juridicheskaja psihologija* [Legal psychology]. Moscow, UNITI, 2007, 416 p.
3. Arystambaeva S. A. *Social'no-filosofskij analiz pravosoznaniya. Monografija* [Socio-philosophical analysis of justice. Monograph]. Astana Publ., 2008, 214 p.
4. Akhmetov S. A. *Pravosoznanie i ego social'nye protivorechija: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Sense of justice and social contradictions: Abstr. Diss. ... Cand. of Legal Sciences]. Almaty, 1998, 20 p.
5. Boer V. M. *Pravovaja informirovannost' i ormirovanie pravovoj kul'tury lichnosti (voprosy teorii): avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Legal awareness and legal culture of personality formation (questions of theory): Abstr. Diss. ... Cand. of Legal Sciences]. Moscow, 1993, 22 p.
6. Vedenkin N. A. O neobhodimosti diagnostiki urovnja razvitija pravosoznaniya lichnosti kandidata na sluzhbu v organy vnutrennih del [On the necessity of diagnosing the level of legal consciousness of the person of the candidate to serve in the internal affairs]. *Voprosy psihologii jekstremal'nyh situacij – Questions of Psychology of Extreme Situations*, 2011, no. 2.
7. Gulevich O. A. Struktura pravosoznaniya i povedenie v pravovoj sfere [The structure and behavior of justice in the legal field]. *Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn. – Psychological Research: an Electron. Scientific. J.*, 2009, no. 5 (7).
8. Zhikrivetskaya Yu. V. *Pravosoznanie rossijan v perehodnyj period razvitija obshhestva: diss. ... kand. filos. nauk* [Russians' justice in the transitional period of society development: Diss. ... Cand. of Philos. Sciences]. Moscow, 2004, 179 p.
9. Kadatskih I. Yu. Osobennosti jetnokul'turnogo Ja v strukture samosoznaniya lichnosti studentov [Features ethnocultural I in the structure of self-consciousness of students]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Juvenologija. Sociokinetika – Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Juvenology. Sociokinetika*, 2008, T. 14, no. 3, pp. 191–196.
10. Kazurova O. Yu. *Pravovaja socializacija studencheskoj molodezhi v uslovijah sovremennogo rossijskogo obshhestva: avtoref. diss. ... kand. social. nauk* [Legal socialization of students in the conditions of modern Russian society: Abstr. Diss. ... Cand. of Sociol. Sciences]. Volgograd, 2006, 21 p.
11. Kvasha A. A. *Pravovye ustanovki grazhdan: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Legal installation citizens: Abstr. Diss. ... Cand. of Legal Sciences]. Volgograd, 2002, 27 p.
12. Cornick A. A. *Formirovanie pravosoznaniya v transformirujushhemsja obshhestve: social'no-filosofskij analiz: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk* [Formation of justice in transforming society: Socio-philosophical analysis: Abstr. Diss. ... Cand. of Philos. Sciences]. Stavropol, 2007, 23 p.
13. Kotova M. V. Jetnicheskoe predubezhdenie i ustanovka: sootnoshenie ponjatij [Ethnic Prejudice and setting: the ratio of concepts]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija) – Bulletin of the University (State University of Management)*, 2008, no. 8, pp. 79–80.
14. Kupavskaya A. S. Jetnokul'turnaja kompetentnost' kak sostavljajushhaja kompetentnosti v obshhenii [Ethno-cultural competence as a component of competence in communication]. *Psihologija obshhenija: trening chelovechnosti: Tezisy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 70-letiju so dnja rozhdenija L. A. Petrovskoj – Psychology of communication: training humanity: Abstracts of the international scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of L. A. Petrovskaya*, Moscow, 2007, pp. 262–264.
15. Mikheyeva I. V. *Transformacija cennostno-smyslovoj sfery lichnosti v uslovijah sovremennoj Rossii v kontekste issledovanija pravosoznaniya:*

- avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk* [The transformation of value-semantic sphere of the person in modern Russia in the context of the study of justice: Abstr. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences]. Barnaul, 2004, 24 p.
16. Muslumov R.R. Osobennosti motivacii studentov v izuchenii pravovedenija [Features of students' motivation in the study of jurisprudence]. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2009, no. 3, pp. 310–313.
17. Hvylya-Olinter A. Vlijanie religioznogo faktora na formirovanie pravovogo soznaniya [Impact of the religious factor on the formation of legal consciousness]. *Gumanitarnye nauki i juridicheskoe mirovozzrenie: materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii – Humanities and legal world: materials of Interuniversity Scientific and Practical Conference*, Belgorod, Belgorod Jurid. Institute of the Russian Interior Ministry Publ., 2003, pp. 33–40.
18. Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V. Life-sense Strategies as a Motivational-Dynamic Characteristic of a Person // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 86, pp. 35–41.
19. Leung K. Social axioms. The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // *J. of Cross-Cultural Psychology*, 2002, V. 33, pp. 286–302.

НАШИ АВТОРЫ

Васильева Ольга Семеновна

профессор кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат биологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: vos@sfsedu.ru

Гаус Эмма Викторовна

магистрант 1-го года обучения Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: emma@psygod.ru

Омелечко Светлана Сергеевна

главный специалист отдела договорной работы, ООО «Группа мегаполис», магистр психологии

Служебный адрес: ул. Лермонтовская, д. 197/73, Ростов-на-Дону, 344006

Служебный телефон: 8 (863) 255-53-25

E-mail: megapolis@dmtextile.ru

Грачева Надежда Михайловна

аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: list-n@list.ru

Гримсолтанова Разет Эльбрусовна

научный сотрудник ФГБУН Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова Российской академии наук

Служебный адрес: ул. Старопромысловское шоссе, 21 А, г. Грозный, 364051

Служебный телефон: 8 (8712) 22-26-28

E-mail: Razet_Grims@mail.ru

Our Authors

Vasil'eva Olga Semenovna

Professor of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Biological Sciences

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: vos@sfsedu.ru

Gaus Emma Viktorovna

1-st year Master Degree Student, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: emma@psygod.ru

Omelechko Svetlana Sergeevna

Chief Specialist of the contract work, "Gruppa Megapolis" Company, Master of Psychology

Official address: b. 197/73, Lermontovskaya St., Rostov-on-Don, 344006

Official telephone: 8 (863) 255-53-25

E-mail: megapolis@dmtextile.ru

Gracheva Nadezda Mikhailovna

Postgraduate Student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: list-n@list.ru

Grimsoltanova Razet Elbrusovna

Research worker of the Federal State-financed Establishment of Science Complex research institute named after Kh. I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences

Official address: b. 21 A, Staropromyslovskoe Highway, Grozny, 364051

Official telephone: 8 (8712) 22-26-28

E-mail: Razet_Grims@mail.ru

Батыгов Заяудин Османович

проректор по учебной работе, доцент ФГБОУ ВПО «Ингушский государственный университет», кандидат педагогических наук

Служебный адрес: ул. Первомайская, 15 А, ст. Орджоникидзевская, 386132

Служебный телефон: 8 (8732) 22–38–52

E-mail: bat-zo@yandex.ru

Batygov Zayaudin Osmanovitch

Vice Rector for Academic Affairs, Docent of the Federal State Budget Educational Institution of The Higher Professional Education "Ingush State University", Candidate of Pedagogical Sciences

Official address: b. 15 A, Pervomaiskaya Str., Ordzhonikidzevskaya St., 386132

Official telephone: 8 (8732) 22–38–52

E-mail: bat-zo@yandex.ru

Лагодина Елена Владимировна

аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–17

E-mail: mugelastic@gmail.com

Lagodina Elena Vladimirovna

Postgraduate student, Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–17

E-mail: mugelastic@gmail.com

Ращупкина Юлия Валерьевна

аспирант кафедры психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–47

E-mail: yulk-r@yandex.ru

Rashchupkina Yuliya Valer'evna

Postgraduate student, Personality Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–47

E-mail: yulk-r@yandex.ru

Бакаева Ирина Александровна

ассистент кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, Ростов-на-Дону, 344000

Служебный телефон: +7 (863) 300–63–09

E-mail: bakaeva07@yandex.ru

Bakaeva Irina Alexandrovna

Assistant of the Educational Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344000

Official telephone: +7 (863) 300–63–09

E-mail: bakaeva07@yandex.ru

Ефименко Светлана Владимировна

доцент кафедры иностранных языков Института управления в экономических, экологических и социальных системах Инженерно-технологической академии Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пер. Некрасовский, д. 44, г. Таганрог, 347900

Служебный телефон: +7 (8634) 37–14–96

E-mail: svetla-efimen@yandex.ru

Efimenko Svetlana Vladimirovna

Assistant Professor, Foreign Languages Department, Institute of the Management in the Economical, Ecological and Social Systems of Engineering-technological Academy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 44, Nekrasovskii Lane, Taganrog, 347900

Official telephone: +7 (8634) 37–14–96

E-mail: svetla-efimen@yandex.ru

Лунин Сергей Леонидович

соискатель кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–17

E-mail: luninsergey1978@yandex.ru

Lunin Sergej Leonidovich

Applicant of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–17

E-mail: luninsergey1978@yandex.ru

Пономарев Вадим Петрович

аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–17

E-mail: ponomarev_p@mail.ru

Ponomarev Vadim Petrovich

Postgraduate student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–17

E-mail: ponomarev_p@mail.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисуночных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются аннотация и ключевые слова объемом до 1,5 с., а также сведения об авторе:

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 518, редакция
Тел. (863) 243-15-17; e-mail: rpj@bk.ru